

Интернет-журнал Виноградова

Номер 3, Осень 2009

<http://vinj.ru/3/>

Переписка и...

Переписка и содержание писем крайне редко становятся достоянием читателей. Лишь иногда просачиваются в литературу и печать письма великих людей. Я не имею писем великих. Тем не менее хочу предложить читателю фрагмент своей переписки (мой поэтический псевдоним Яр Геначов) с одним из авторов сервера СТИХИ.РУ – Татьяной Хожан. Текст письма совсем немного литературно подправлен, но думается, по своему содержанию он заслуживает внимания читателя. И так, письмо:

Яр, здравствуйте!

Зная Вас по Стихам как человека с большим чувством юмора, хочу поделиться действительной историей, которую мне прислала моя родственница.

Вы знаете, что я живу в Израиле (10 лет). Так вот, эта история о наших русских. Ссылка на первоисточник – <http://neivid.livejournal.com/287773.html>

"Налево сказку говорит..."

Речь о тех временах, когда русскоговорящих интервьюеров в израильских военкоматах еще не было, а русские призывники уже были. Из-за того, что они в большинстве своем плохо владели ивритом, девочки-интервьюеры часто посылали их на проверку к так называемым "офицерам душевного здоровья" (по специальности – психологам или социальным работникам), чтобы те на всякий случай проверяли, все ли в порядке у неразговорчивого призывника. Кстати, офицер душевного здоровья – "кцин бриют нефеш" – сокращенно на иврите называется "кабан". Хотя к его профессиональным качествам это, конечно же, отношения не имеет.

Офицер душевного здоровья в военкомате обычно проводит стандартные тесты – "нарисуй человека, нарисуй дерево, нарисуй дом". По этим тестам можно с легкостью исследовать внутренний мир будущего военнослужащего. В них хорошо то, что они универсальные и не зависят от знания языка – уж дом-то все способны нарисовать?

И вот к одному офицеру прислали очередного русского мальчика, плохо говорящего на иврите. Офицер душевного здоровья поздоровался с ним, придвинул лист бумаги и попросил нарисовать дерево.

Русский мальчик плохо рисовал, зато был начитанным. Он решил компенсировать недостаток художественных способностей количеством деталей. Поэтому изобразил дуб, на дубе – цепь, а на цепи – кота. Казалось бы, всё понятно!

Офицер душевного здоровья придвинул лист к себе. На листе было изображено дерево, на ветке которого, не очень ловко повесилась какая-то козявка. В качестве веревки она, почему-то, использовала цепочку.

– Это что? – ласково спросил кабан.

Русский мальчик напрягся и стал переводить: кот на иврите – "хатуль"; "ученый" (академик) – мад'ан, (с русским акцентом – "мадан").

Мальчик не знал, что в данном случае слово "ученый" звучало бы иначе – кот не может быть служащим академии наук, а просто много знает, то есть слово нужно другое. Но другое не получилось. Мальчик почесал в затылке и ответил на вопрос офицера:

– Хатуль мадан.

Офицер был израильтянином. Поэтому приведенное словосочетание «Хатуль мадан» значило для него что-то вроде "кот, занимающийся научной деятельностью в академии наук"...

Почему козявка, повесившаяся на дереве, занималась научной деятельностью, в какой академии и содержание этой самой научной деятельности офицер не мог себе представить.

– А что он делает? – напряженно спросил офицер.

(Изображение самоубийства в проективном тесте для будущих военных вообще очень плохой признак).

– А это смотря когда, – обрадовался мальчик возможности блеснуть интеллектом. – Если идет вот сюда (от козявки в правую сторону возникла стрелочка), то поет песни. А если сюда (стрелочка последовала налево), то рассказывает сказки.

– Кому? – слёзно спросил кабан.

Мальчик постарался и вспомнил:

– Сам себе.

На сказках и песнях, которые рассказывает и поёт сама себе... удушенная цепью... подвешенная на ветке... да ещё раскачивающаяся в разные стороны козявка, офицер душевного здоровья нездоровым почувствовал себя.

Он назначил мальчику еще одно интервью и отпустил его домой. Картинка с дубом осталась лежать на столе.

Когда мальчик ушел, кабан позвал к себе секретаршу – ему хотелось свежего взгляда на ситуацию. Он не мог допустить в израильскую армию, к оружию садиста и тем более, самоубийцу!

Секретарша офицера душевного здоровья была умная адекватная девочка. Но она тоже недавно приехала из России. Босс показал ей картинку.

Девочка увидела на картинке дерево с резными листьями и животное вроде кошки, привязанное к ветке цепью.

– Как ты думаешь, это что? – спросил офицер.

– Хатуль мадан, – спокойно ответила секретарша.

Спешно выставив девочку и выпив стакан холодной воды, кабан долго сидел неподвижно и смотрел в одну точку на рисунке. Затем позвонил в кабинет этажом выше, где работала его молодая коллега. Он попросил её спуститься к нему и проконсультировать очень сложный случай.

– Вот, – вздохнул усталый профессионал. – Я тебя давно знаю, ты нормальный человек. Объясни мне, пожалуйста, что здесь изображено?

Но оказалось, что коллега тоже была из СНГ...

Тут уже кабан решил не отступать и дойти либо до сути, либо до больничной кровати и пенсии.

– Почему? – тихо и как-то перекошено спросил офицер душевного здоровья свою коллегу. И повторил: – ПОЧЕМУ вот это – хатуль мадан?

– Так это же очевидно! – коллега ткнула пальцем в рисунок. – Видишь эти стрелочки? Они означают, что, когда хатуль идет направо, он поет. А когда налево...

Не могу сказать, на каком уровне здравого смысла остался армейский психолог, и какой диагноз поставили мальчику. Но сегодня уже почти все офицеры душевного здоровья знают: если призывник на тесте рисует дубы с животными на цепочках, значит, он из СНГ. Там, говорят, все образованные. Даже кошки.

С уважением. Татьяна.

Думаю, что какие либо комментарии к тексту совершенно излишни. Повторю только ссылку: <http://neivid.livejournal.com/287773.html>

Всем – хорошего настроения.

9.05.09.

С уважением, Геннадий Тукачов.

Format C

– Маруся, вызови ко мне сисадмина. – Борис Олегович тупо пялился на монитор, со слабой надеждой тыча пальцем в клавиатуру. – Чёрт! Осточертела эта чертовщина!!!

Он встал с удобного кресла, аппетитно закурил. Компьютер глючил всё чаще и сильнее, работать иногда становилось совсем невозможно. Единственная игра на компе постоянно зависала, отказывалась реагировать на команды, иногда вообще работала в одном ей известном режиме.

Борис Олегович поначалу долго всматривался в диспетчер задач. Пальцы уже не глядя находили три заветные клавиши. Но ничего подозрительного не наблюдалось, и Борис Олегович с надеждой незаметно пинал системный блок. Иногда это помогало. Игра на некоторое время вела себя вполне прилично, но потом это перестало срабатывать.

Постукивания по монитору не помогали, шастанье в настройках раздражало больше, чем сами глюки.

Сисадмин – старый еврей в ермолке заглянул в кабинет.

– Вызывали?

– Да, Мойша, заходи. У меня уже нервов не хватает. Ничего не пойму, играть вообще невозможно.

– Сейчас посмотрим. Антивируска какая стоит? Ага, понятно. Так... – пальцы ловко скользили по клавиатуре. – Так, а перезагружать пробовали?

– Четыре раза.

– Ну и как?

– А что как? Каждый раз приходится с первого уровня начинать. А тут прошёл уже сколько – жалко всё-таки. Ну, что там?

– А хрен его знает? Не понятно, может железо барахлит. Протестировать бы всё.

Борис Олегович стоял, пощипывая свою бороду. Игра была настолько увлекательной, что рабочий день пролетал незаметно, подчинённые не беспокоили, научились сами управляться. Когда босс играет, лучше не отвечивать.

– Моисей, а если к разработчикам обратиться?

Моисей с удивлением оглядел шефа и снова впилился в экран.

– Что ты так посмотрел? Кто игру писал?

– Да вы же и писали. Больше некому.

– Да? Ну да, точно. А что с вирусами?

– Ничего, всё нормально. Вы его тоже сами писали для этой игры специально.

– Неужели?

– Да, говорили, чтоб игра была интереснее, сюжетнее. Назвали его ещё как-то... метафо, нет, мафие, нет... не помню...

– Мефистофель. Точно, помню. Так может это он и грузит игру.

– Борис Олегович, не обижайтесь, ладно?

– В смысле?

– Это не вирус. Это игра...

– Что игра?

– Игра написана левой ногой... через жопу. Посмотрите – персонажи топорные, сюжет примитивный, графика ничего, а так – фуфло, а не игра.

– Ну, и что ты посоветуешь? Может переустановить, а?

– А смысл? Игра вообще весь софт помяла. Лезет куда не нужно. Хуже вируса. Хотите, гоночки принесу вам шикарные?

Борис Олегович с тоской посмотрел на монитор. На зелёно-голубом шаре копошились миллиарды забавных человечков. Строили, ломали, любили, убивали,

воевали, смеялись и плакали. Весёлые тупые человечки. Жалко, конечно, было расставаться с ними, хотелось добраться до финиша и посмотреть, чем же всё закончится.

– Давай, – махнул рукой Борис Олегович.

– Форматнуть бы.

– Занимайся, тебе видней. И гонки не забудь принести, – босс подошёл к панорамному окну и уставился на ангелов, парящих над бесконечными розовыми облаками далеко внизу.

– Пароль скажите.

– По моим инициалам. БОГ.

Format C – ловко набрали на клавиатуре пальцы сисадмина.

Мнемозина Помпадур

Месть Нибелунга

Он вредный. Очень.

– Ты чего всё спишь, мне скучно, вставай! – требует он на своём языке и идет хулиганить.

Потому что я не встаю. Мне лень.

Я закрываю глаза.

Потом с ужасом открываю. Он что-то свалил с грохотом.

Ага. Пульт от телевизора. Цел, как ни странно.

– Ну, обормот, дождёшься тапка!

Его не видно. Толстый, а шустрый. Заныкался куда-то.

Падаю в кровать.

Только начинаю засыпать – опять шум падающих предметов с высоты.

Горку книжек свалил на пол. Разлетелось по всей спальне моё чтиво.

Вон, "Айседора" валяется кучей. Хана книге. 500 рублей стоила.

Хватаю тапок.

– Эй, ты, выходи!!!

Нету засранца.

Нда-а-а-а, уже не заснешь.

Делаю вид, что вставать не собираюсь. Слежу из-под ресниц. Вот он вылез из укрытия и смотрит в мою сторону. Ага... Полез на комод. Исследует, как закреплен телик. Лапой. А ведь, гад, никогда днем этот прибор его не волнует. Стоит и стоит себе. Чтوب он его домогался! Теперь, вот, пытается свалить. Понимает: «Шуму будет о-го-го! "Эта" встанет тогда уж, точно. Даже вскочит, как фурия, и будет бегать за мной. А я от нее. Воооот, что надо-то! Побегает, хозяйка! Подъем, я сказал! Шевели лапами на кухню! Сыпани мне в миску жратвы! Я ваще-та есть не хочу. Мне скуууучно!»

Эпизод 0. Департамент Воздушных Мытарств

Департамент Воздушных Мытарств. Частный Суд. Отдел Чревоугодия.

«... Я собрана. Спокойна. Все действия чётки и своевременны. Я работаю. Я профессионал.

Звон хрустальных колокольчиков в воздухе: это вызов от дежурного диспетчера. Слышу голос Зараэля (сегодня его смена):

– Нат, приготовься. Новый клиент.

Я держу сферу восприятия. От моих пальцев тянутся нити, на конце каждой из которых – образ или событие. Нити невидимы, неосязаемы, и на самом деле их не существует вовсе. Это лишь аллегория, позволяющая описать, как я работаю. И в то же время для меня они сейчас более чем реальны. В них сконцентрировались все мои чувства: зрение, слух, осязание, обоняние, вкус, интуиция. Сквозь них изливается вся моя сила: сила воздушного демона одиннадцатого ранга.

В сферу влетает что-то свежее, прозрачное, трепещущее. Человеческая душа. Я делаю быстрое сканирование и разворачиваю картинку, исходя из психодуховных особенностей клиента.

Безбрежный купол лазурного неба. Изумрудно-шёлковая трава. Солнца нигде не видно, но свет льётся отовсюду. Контурные чёткие. Цвета яркие. Изображение полностью объёмное.

Василий – а нового клиента зовут именно так – дико озирается. Выглядит он не очень. По материалам дела: тридцать восемь лет. На вид можно дать и все пятьдесят. Или даже больше... Тощая костлявая фигура. Из одежды – какая-то рванина. Лицо – в противовес общей худобе – отёкшее, одутловатое, с кожей нездорового, застойно-медного оттенка. На носу и щеках проступает сетка красных прожилок. Под глазами набрякшие мешки. Волосы грязны, всклокочены. На макушке запеклась чёрная корка.

Да, первое время после смерти они выглядят практически так же, как в последние мгновения жизни.

Василий видит меня. Моё лицо напоминает беломраморный лик античной статуи. Золотистые локоны рассыпаются по плечам. Бирюзовое одеяние до пят драпируется эффектными ниспадающими складками.

Василий трёт глаза. Он ещё не понял, что с ним случилось. Хотя интуитивно уже догадывается.

– Где я?

– А как ты думаешь, Вася? – мягко отвечаю я вопросом на вопрос.

– Вроде ж, зима была, – бормочет клиент.

– Была, Вася, – соглашаюсь я. – Только теперь это уже неважно.

Василий оглядывает свои руки. Кисти мелко подрагивают. Переводит взгляд на живот, ноги, ступни. Его ноги босы и имеют грязно-серый цвет. Травинки проводят по ним своими острыми кончиками, перебираемые ветром.

– Я... в раю?

– Как бы тебе сказать, Вася... Не совсем.

На границе сферы замерли двое Проводников. Даже пребывая на самом краю моего поля зрения, они неприятно режут глаза своим свечением. Регламент предписывает им не заходить в сферу без крайней необходимости. Проводники напряжённо следят за моими действиями, готовясь отразить атаку, как только она начнётся. Я им не нравлюсь.

Клиент, наконец, закончил изучать собственный облик и вперился взглядом в меня. Белки его глаз желтушны. Пара сосудов на склерах лопнула, растекаясь розовыми облачками.

– Ты... кто? Ангел?

– Я – твоя совесть, Вася.

Свет, пронизывающий атмосферу, тускнеет. Трава приобретает пепельный оттенок. Я придвигаю к Василию высокое, выше человеческого роста, зеркало. Зеркало совершенно обычное и отражает то, что перед ним находится. Но человек почему-то пляшется на собственное отражение, как на откровение свыше.

– Там... что? – тычет он в стекло трясущимся пальцем.

– Там – ты. Это зеркало, Вася.

– Не-е-е... Не я! Там – не я. Вот же я!..

Перед нашим общим взором пролетает мимолётный образ. Узкое худое лицо парня лет восемнадцати. Забавный нос с широким закруглённым концом. Выступающие скулы. Впалые щёки в веснушках. Каштановые волосы слегка кучерявятся и торчат в стороны неприглаженными вихрами.

– Нет, Вася. Таким ты был двадцать лет назад. А теперь ты – вот.

Я плавно указываю на отражение. Картинка в зеркале меняется.

... Заснеженное пространство. Сугроб в проулке между двумя глухими заборами. В сугроб впечатана тёмная скорченная фигура. Тело лежит лицом вниз. Оно выглядит уже застывшим. Картинка наезжает на зрителя. Становятся различимы детали. Чёрная заскорузлая пятка на фоне белого снега. Дыра на штанах – сбоку, выше колена. Что-то липкое, бурое склеило волосы на макушке.

– Нет, – шепчет клиент. Его рука машинально тянется к темени, чтобы ощупать оставшуюся там корку. – Кто меня? Кто меня так?!

– Какая разница? Ну, если угодно, твой последний собутыльник. Вы с ним там же и познакомились, где сели потом пить. Только умер ты не от этого. Травма лёгкая: так, только кожа лопнула. Ты даже боли не почувствовал. Ты просто уснул в снегу. И там же замёрз. Славная кончина.

– Протестую! – дёрнулся один из Проводников. – Последняя фраза носит оскорбительный характер! Это попытка оказать психологическое давление на человека.

– Протест принят, – пожимаю я плечами. – Я изменю формулировку. Бес-славная кончина. Это не психологическое давление. Это констатация факта.

– А что ж я там... – бормочет Василий. – Что ж я там – так и лежу до сих пор?

– Ну, прошло всего два часа с момента смерти. Светает у вас сейчас поздно... Место глухое... Полагаю, тело пролежит ещё не меньше суток, прежде чем кто-нибудь его найдёт. Искать тебя некому...

– Как некому?.. Как – некому?!! А Верка?! Что ж она, сука ебучая... Уй!..

Василий в ужасе прихлопывает собственный рот ладонью. За последние пятнадцать лет бранные слова столь часто вылетали из его уст, что стали как бы основным языком для выражения мыслей. И эмоций. Они и сейчас сорвались по старой привычке, автоматически, в неразрывной ассоциативной связи со словом «Верка». И только теперь его уму, не скованному более протравленным алкоголем мозгом, открылся их подлинный смысл. А дух, освобождённый от оков плоти, содрогнулся от стыда.

– Где Вера? – спрашивает он изменившимся голосом. – Что с ней?

– Забыл, Василий? Не живёт с тобою Вера Сергеевна. Уже шесть лет, как не живёт.

– Где... где она? Она ж живая должна быть!

– Да живая, живая. В деревню уехала, к тётке. Опостылела ей такая семейная жизнь, какая у вас получалась.

Новая картина в зеркале. Усталое лицо женщины неопределённого возраста. Волосы гладко зачёсаны назад и стянуты где-то на затылке. Причёска подчёркивает нездоровую полноту: в юности она такой не была. Выцветшее платье, когда-то бывшее синим. Выцветший взгляд глаз, когда-то бывших голубыми.

Напротив, у стола, стоит, пошатываясь, фигура, в которой уже вполне можно признать нынешнего Василия. Его сильно ведёт в стороны; чтобы не упасть, он цепляется за столешницу. Язык тоже слушается с трудом: каждое слово даётся ему с усилием.

– Верка... сука ебучая!.. Куда опять намылилась, блядь?..

Клиент перед зеркалом проявляет признаки беспокойства. Небосвод над его головой темнеет. Вместо травы под ногами простирается голая сухая земля, усыпанная камнями. Мой облик тоже претерпевает метаморфозы: уши заостряются и вытягиваются, над волосами на темени проклёвываются рожки.

– Я не хотел! – оправдывается Василий. Он вполне искренен. На Том Свете люди врут редко. – Я не хотел... Я ж люблю её! А она, блядь... (Вздрагивает в новом приступе стыда)... А она... Я люблю её!.. Любил...

В зеркале – смена кадра. Рядом, лицом к лицу, двое: высокий худощавый паренёк (щёки в веснушках, каштановые волосы слегка кучерявятся) и его ровесница, хрупкая девушка с косой до попы. Парень что-то горячо твердит, глядя ей в глаза. Плохо слышно, добавим звук.

– Верк... Давай поженимся!.. Я всё, я завяжу, честно. Ты же знаешь, я могу вообще не пить. Это так мы просто, с пацанами, от нечего делать бухаем. А если поженимся – я же капли в рот не возьму!..

– Я не знаю, Вась...

– Верк, я без тебя жить не могу! – Василий внезапно бухается на колени. – Люблю я тебя, люблю! Одну только тебя, понимаешь? Я слово даю: завяжу. Чем хочешь поклянусь! Хочешь, матерью поклянусь? Хочешь? Жизнью своей клянусь. Чтоб я сдох, Верк!..

– Не надо, Вась...

– Верк, я клянусь: капли в рот не возьму! Давай поженимся...

– Ты честно продержался целых полгода после свадьбы, – комментирую я.

И бросаю уже в сторону Проводников:

– Отметьте. Клялся матерью и жизнью. Клятву нарушил.

Моё лицо продолжает меняться. Рот растягивается до ушей, превращаясь в зловонную пасть. Глаза выкатываются из орбит, становясь похожими на пылающие угли. Рога идут в рост и закручиваются назад. Из-под края одежд вместо ног виднеются копыта.

Василий бросает взгляд в мою сторону и замирает в ужасе.

– Бес! – выдыхает он.

А потом пронзительно верещит:

– Бе-е-е-ес!!!

– Угадал, – произношу я зловеще, низким утробным булькающим голосом. – Ты хорошо знаком с бесами, правда? Ты уже видел нас раньше, при жизни?

Из зеркала вылетает стайка мелких чёрных теней. Они живописно располагаются вокруг человека. У каждой тени обнаруживается пара красных горящих глазок. Тени начинают хаотично скакать, мельтешить. Василий затравленно озирается, он выглядит совершенно обезумевшим от ужаса.

А между тем, все эти жутковатые существа – всего лишь обман зрения. Как и те галлюцинации, которые несколько раз посещали его во время «белой горячки». Всё вполне объяснимо с естественнонаучных позиций.

– Протестую! – вступает в сферу один из Проводников. Сияние его лица мешает мне разглядеть черты. Не пойму: новенький – или мы уже сталкивались?

– Василий не видел настоящих бесов даже в периоды алкогольного делирия, – продолжает ангел. – Он испытывал истинные зрительные галлюцинации.

– Протест принят, – соглашаюсь я. – Истинные галлюцинации. И истинный страх. Настоящий животный ужас. Такой ужас испытывает скотина, которую привели на бойню...

Одна из моих задач – максимально деморализовать клиента. Подавить любое психологическое сопротивление. Игра на негативных эмоциях бывает здесь чрезвычайно эффективна. Особенно если у клиента есть яркий опыт, который можно воскресить в памяти. Его эпизоды с «белой горячкой» оказались мне весьма на руку.

– Что же вы! – Василий умоляюще тянет руки к Проводникам. – Пожалуйста! Сделайте что-нибудь! Ради Бога, ради господина нашего Иисуса Христа!..

Лёгкий удар тока промеж лопаток. Мне. От последнего прозвучавшего имени. Я получаю их иной раз по несколько сотен за смену, большей или меньшей силы, но каждый раз ощущения не из приятных. Издержки работы, ничего не поделаешь. После смерти почти все становятся на редкость набожными. Если бы они так же искренне взывали к богу при жизни, то, умерев, миновали бы всё наше Воздушное Царство транзитом, без остановок, как праведники. Я несколько раз наблюдала такое вознесение. Обычная рабочая процедура. Всем меньше забот. Я не отношу себя к трудоголикам. Есть дело – делаю, нет – отдыхаю. Оклад всё равно один и тот же.

Проводники готовятся предпринять ответный ход. Они уже оба залезли в мою сферу. Становится немного светлее. Мои милые танцующие фантомчики рассеиваются, как утренний туман. Более активный из ангелов – тот, который всё время протестует, – ведёт рукой.

Мы видим – как бы сверху – остов полуразрушенного дома. Сохранившиеся брёвна черны, обуглены: наверно, когда-то здесь был пожар. Парнишка лет шести с любопытством подбирается к дверному проёму. Внутри есть какое-то движение. Ему не разрешают здесь играть. И теперь, вырвавшись из-под присмотра взрослых, он неудержимо лезет к запретному.

Вслед за мальчиком мы проникаем внутрь. Свет падает неровными пятнами сквозь дыры между брусками. На поперечной балке, на уровне человеческого роста, закреплена верёвка. На конце верёвки петля. Петля затянута на шее крупной серой кошки. Несчастное животное беззвучно дёргается, отчаянно пытаясь высвободиться. Оно извивается, насколько позволяет гибкий кошачий хребет. Оно пытается содрать верёвку мощными задними лапами. Но от всех движений петля лишь туже затягивается.

Мальчишку начинает бить дрожь. Он стремглав бросается к животному, пытается освободить, расслабить узел, которым завязана петля. Узел слишком тугой, пальцам не хватает силы. К тому же, кошка висит слишком высоко, приходится тянуться, чуть ли не на цыпочках. Больше всего Вася боится, что не успеет, и кошка умрёт. Кошка продолжает дёргаться.

Василия – взрослого, наблюдающего вместе с нами сцену из своего детства, – начинает бить дрожь. Его глаза уже блестят слезами. Он протягивает руки к изображению, делает шаг... и проходит насквозь. Втянув голову в плечи, кусая губы, возвращается к своим ангелам.

Мальчишка, всхлипывая, дёргает узел. Внезапно сбоку, из тёмной полосы, выходят двое пацанов постарше, лет двенадцати – тринадцати. Вася вздрагивает, выпускает из рук верёвку. Кошка бьётся в судорогах. Вася взирает на подростков с тем же ужасом, с каким несколько минут назад смотрел на мою бесовскую личину. Старшие подступают к нему, оттесняя от кошки. Вася пугается.

– Не бойся, мальчик, – спокойно обращается к нему один из подростков. – Мы тебе ничего не сделаем. Эта кошка поцарапала нашего друга и теперь должна умереть. Уходи отсюда.

Вася пугается. Беззвучно шевелит губами. Ему отчаянно жаль кошку. И отчаянно страшно: кажется, что если он попытается вступить, то разделит её участь. Взрослые мальчишки представляются ему демонами, бездушными монстрами. Он резко

разворачивается и бросается наутёк. Не видеть, не думать, забыть... Как будто ничего и не было вовсе...

Изображение исчезает. Мы все четверо какое-то время тупо пялимся на кусок пространства, где только что разворачивались события. Сейчас там не видно ничего, кроме сухой серой пыли с россыпью булыжников.

– Он сострадал, – резюмирует Проводник. – И сейчас сострадает. Так же сильно. Он способен сострадать.

Да, сострадание – дар, тем более ценный, что в наше время встречается всё реже. Я собираюсь с мыслями.

– Жалко... кошку, – всхлипывает Василий-взрослый. У нас здесь слёз, как правило, не стесняются.

Мне тоже жалко кошку. (Кстати, надо запомнить тех двоих, что её вешали. Возможно, они скоро попадут ко мне...). Я симпатизирую кошкам. И даже как-то провела выходные в кошачьем теле. Они грациозны, мудры, независимы. Они индивидуальны. У них есть собственное достоинство. Они мстят за оскорбления, как и мы.

– А ведь она могла бы жить, – тяну я задумчиво. – Если бы ты, Василий, не оказался таким трусом. Эти мальчишки ничего бы тебе не сделали. Ты мог её спасти. Хотя бы попытаться... Ты ведь до сих пор себе не простил, да?

Мой голос нежен и вкрадчив.

– Я уже покался!.. Я каялся!.. – стонет Василий. Взрослый мёртвый тридцативосьмилетний мужчина.

– Он каялся. Он прощён, – подтверждает второй из Проводников, до сих пор молчавший.

– Возможно, кто-то его и простил, – соглашаюсь я. – Возможно, даже Самый Главный. Если он разбирает дела по кошкам.

– Он – разбирает, – с вызовом бросает мой оппонент.

– А вот сам Василий... Боюсь, что нет. Он так и не смог себя простить, – доканчиваю я.

Проводники молчат. Потому что я права. В работе я стараюсь оперировать достоверными данными.

– Занесите в протокол: маловерие, – небрежно бросаю я ангелам.

На самом деле Василий – «лёгкий» клиент. И далеко не всегда получается так красиво лажать конкурентов. Им сейчас туго, их можно понять: из скудной горстки разрозненных фактов нужно выстроить целую систему защиты, способную перевесить гору страстей и пороков. К тому же, оба ангелочка весьма молоды. Наверное, новобранцы, совсем недавно в «полях». Почему у них в Отделе Сопровождения вечно одна молодёжь? Куда деваются заслуженные кадры? Отчего такая текучка? Всё время хочу спросить, да знаю: бесполезно, не скажут. Им запрещено с нами общаться на посторонние темы. Только по делу. А зря...

Тот из них, что понапористее, весьма мил. У меня всё-таки получилось разглядеть его: пришлось прищуриться и смотреть боковым зрением. Впрочем, они все сильно похожи друг на друга: благородный овал лица, правильные черты, тонкий нос, большие глаза, золотые локоны, резкий слепящий свет. Наверное, как-то так должен выглядеть и архистратиг Михаил... Только он будет повыше, пошире в плечах и несравненно ярче.

Таким он представал в моих фантазиях: величественный, ослепительный, в блистающей серебряной кольчуге, с огненным копьём в деснице. Справедливый и мудрый. Непобедимый. Невообразимо могущественный. Безупречный страж Закона. Когда-то я мечтала, что однажды он спасёт меня от одного из своих разбушевавшихся вояк. Когда не в меру ретивый служака из ангельского воинства замахнётся на меня мечом, с криком: «Проваливай в свой ад, дьявольское отродье!» Когда я отчаянно вскину

руки, в безнадёжной попытке защититься от разящего лезвия. Тогда внезапно в сиянии явится он, Михаил. «Остановись! – прикажет он солдафону. – Она просто выполняет свой долг! Она соблюдает Закон!» Потом он повернётся ко мне и скажет: «Приношу свои извинения, сударыня. Мои подчинённые допустили ошибку. У нас нет – и не может быть! – претензий к Вам. Разрешите проводить Вас, дабы хоть частично загладить нашу вину...». Я, конечно, не стану возражать. И тогда он узнает, что среди демонов тоже порой встречаются весьма интересные персоны...

Но все прекрасно знают, что архистратиг Михаил – это миф. Сказка. СобираТЕЛЬНЫЙ образ, чтобы пугать молодых демонов: дескать, накосорезишь – придёт Михаил и поразит тебя своим огненным копьём. Процесс взросления неизбежно связан с утратой веры в подобных персонажей.

– ...Он сделал всё, что мог, – вступается первый Проводник, тот самый, что напомнил мне архистратига. – При любых его действиях вероятность гибели животного составляла не менее девяноста пяти процентов. Для биологических систем этот показатель идентичен достоверности события. Кошку нельзя было спасти. Дети, убивающие животное, превосходили его численно и физически. Он не мог им противостоять.

– Ты слышал, Василий? – обращаюсь я к клиенту, по-прежнему мягко, почти нежно. – Пять шансов! Целых пять шансов из ста, что кошка могла бы жить! И тогда тебе не пришлось бы потом ещё месяца три наблюдать через щель между брёвнами, как медленно разлагается кошачий труп на верёвке...

– Протестую! – восклицает ангел.

– А что, собственно, не так? – разворачиваюсь я к нему. – Сто минус девяносто пять равняется пяти, не так ли?

Взгляд Василия обращён внутрь. Где-то там, внутри, болтается в сумраке полусгнивший кошачий труп с белёсыми фрагментами обнажившихся костей.

Проводники напряжены. Они разрабатывают контратаку.

Из небытия наплывает новый широкоформатный образ. Фасад питейного заведения. Пошарпанная вывеска «Три пятака». Светло, середина дня. Кажется, конец весны или начало лета. Дорогу развезло после ливня. На обочине в грязи валяется навзничь немолодой мужчина. Его можно было бы назвать прилично одетым, если бы вся одежда не была измазана в грязи. Мимо проходят люди – мужчины, женщины, дети. Кто-то бормочет: «Надо же, уже нажрался...»

Дверь трактира открывается, и на крыльцо вываливается наш Василий. Он привычно нетрезв. Если верить досье, ему тридцать три года. Вчера весь православный люд праздновал Троицу, а Василий, как всегда, продолжает праздновать и поныне.

Изрядно шатаясь, Василий начинает путь в сторону дома. Притормаживает возле лежащего на земле человека. Мужчина вяло пытается пошевелиться, тихо мычит. Василий опускается рядом на корточки. Тормозит за плечо:

– Эй... братушка! Ты чего здесь?

Мужчина испускает слабый стон. Пытается приоткрыть набрякшие веки. От него пахнет спиртным.

– Ну ты чего, братан! – Василий продолжает тормозить. – Не дело это... Давай, вставай... Ты где живёшь?

Человек снова то ли мычит, то ли стонет. Несколько минут Василий упорно трясёт его за плечи. Потом, убедившись в тщетности попыток, принимается толкать под спину, стараясь перевести в сидячее положение. Мужчина, кажется, пребывает в полубессознательном состоянии. Проходящий мимо народ косится на них неодобрительно.

– Не гоже это – на земле лежать... Домой пошли, домой... Там спать ляжешь... – приговаривает Василий.

Мужчина крупнее его по комплекции, к тому же абсолютно не владеет собственным телом. Не удержав равновесия, Василий садится рядом с ним в грязь. Некоторое время

глядит в землю. Затем встаёт на колени. Закидывает руку человека себе на шею, обхватывает его за спину и бок, подпирает собственным плечом, пытается встать. Каким-то чудом ему это удаётся.

Василий с трудом ковыляет по улице, волоча на себе незнакомца. К счастью, живёт он неподалёку.

– Фёдор Степанович Прохоров, – комментирует первый Проводник. – Сорок семь лет. Наш испытуемый до этой встречи с ним знаком не был. Федор Степанович действительно выпил, но вовсе не так уж много, чтобы потерять сознание. У него произошёл инфаркт миокарда. Все окружающие сочли его просто пьяным. Если бы Василий прошёл мимо, оставив его лежать на земле, Фёдор Степанович, скорее всего, умер бы.

– Вероятность: девяносто восемь процентов, – добавляет второй Проводник, с ехидцей косясь в мою сторону. – Так что кошку можно считать отработанной.

...Василий взбирается на собственное крыльцо. Федор Степанович висит на нём кулём. Дверь открывается. В проёме появляется сухонькая сгорбленная старушка.

– Ой, Вася, да кого ж ты притащил! – всплёскивает она руками. – Где ты его взял? Пусть домой идёт! Мало мне тебя, такого...

– Мама, давай, пусть он поспит... Ему поспать надо... Тогда домой отведём.

Василий заваливается со своей ношей в дом.

...Да, мощный аргумент. Хорошо сработано. Профессионально. Один из Проводников при жизни нашего испытуемого был его хранителем и теперь наверняка ощущает прилив гордости за своего подопечного.

Нужно искать зацепки.

Меж тем, Василий заморожено следит за продолжающейся сценкой, которую все позабыли убрать. Внутри дома старушка суетится вокруг Фёдора Степановича, всё ещё пребывающего в отключке.

– Вот ведь, ещё собутыльников таскать удумал, – беззлобно ворчит она. – Да и человек-то с виду солидный, как его угораздило... Куды ж его теперь девать-то...

Лицо Василия-нынешнего расплывается в неожиданно нежной улыбке.

– Мама, – шепчет он. – Матушка... Что с ней?

Да, кстати. Матушка.

– Твоя мама умерла четыре года назад, – сообщаю я бесстрастно. – А хочешь знать, как это было?

Вопрос чисто риторический. Даже если он не хочет, ему придётся ознакомиться с фактами.

Смена кадра. Та же самая комната, где не так давно происходило чудесное спасение господина Прохорова. Голубоватые сумерки зимнего вечера. На полу у стены валяется бесчувственное тело нашего главного героя. То есть, Василия. Валяется в какой-то луже – кажется, в луже собственной мочи. У противоположной стены, на кровати, кто-то слабо ворочается. Шорох ткани, поскрипывание досок.

Участок комнаты с кроватью приближается, захватывая всё поле зрения. На постели, среди тряпья, скорчилась на боку, в позе зародыша, мать Василия. Она ещё больше похудела, щёки запали, глаза ввалились. Абсолютно белые реденькие волосы растрёпаны. У неё начинается приступ кашля. Сначала тихий и как будто несерьёзный, он постепенно набирает силу и становится всё более резким. Старушка с трудом садится, цепляясь за спинку кровати.

– Болею третью неделю, – сообщаю я. – Началось с бронхита, теперь перешло в двустороннюю пневмонию. Возможно, своевременный надлежащий уход и медицинская

помощь помогли бы ей выкарабкаться. Но единственный сын третью неделю пребывает в беспробудном запое...

Старушка бессильно откидывается на спину. Глаза её закрыты. Дыхание тяжёлое, хриплое, прерывистое.

Какое-то время ничего не происходит. В комнате сгущается темнота. В своём углу шумно сопит мертвецки пьяный Василий.

Фокус нашего зрения перемещается к ногам больной. Они слегка подёргиваются – слишком мелко и ритмично, чтобы движение можно было счесть произвольным. Это клонические судороги: начало агонии.

– Агония продлится ещё пять часов, – продолжаю я рассказ. – Она скончалась в начале десятого часа вечера. Василий обнаружил её труп через сутки, когда всё-таки протрезвел. До сего момента он не знал, когда точно она умерла. Денег на похороны у него не было. Соседи скинулись... На поминках Василий, как обычно, напился. И отправился в новый запой, теперь уже на месяц...

– Мама, – шепчет клиент рядом с нами. – Мама?.. Мама!!!...

Застывший во времени крик. Застывший взгляд. Застывшая гримаса отчаяния на лице. Застывшая в зеркале картинка, отображающая начало процесса умирания пожилой женщины.

Это надолго: как минимум, на полчаса. Можно оправиться и покурить, так сказать.

...Они все после смерти проходят самым первым наш отдел. Так что, хоть мы и специализируемся официально на грехе чревоугодия («обжорство и пьянство», как зовём мы это между собой), но практически по ходу раскрутки клиента всегда выплывают зацепки и по другим страстям. Так что мы, в каком-то роде, приёмный покой Воздушного Департамента. Точнее, приёмный бес-покой. (Хороший каламбурчик? Сама придумала!)

Вот, например, Василий. Следующим этапом он отправится в Отдел Блуда и Прелюбодеяний («Отдел Похоти» – на нашем внутреннем жаргоне). Но вряд ли задержится там надолго: последние приступы плотских вожделений волновали его на заре туманной юности, ещё до более основательного знакомства с алкоголем. Дальше – Отдел Гнева. Там, наверное, будет с чем поработать. Недаром же его треснули бутылкой по голове перед смертью... Да и «Верка – сука ебучая» тоже представляется весьма перспективной жилой. Затем, по порядку, его ждут отделы: Алчности, Зависти, Уныния, Гордыни. По поводу алчности с завистью ничего не могу сказать: пусть сами ищут материал. А вот где теперь он точно застрянет основательно, так это в Унынии.

Делаю поверхностное сканирование души Василия. Степень охвата отчаянием: шестьдесят три процента. И цифры продолжают расти. Это хорошо. Чем больше страстей нам удаётся раскопать, тем больше качественного топлива получит наш энергетический комплекс. А энергетика – наше всё!

Отдел Уныния, вообще, мне по жизни должен. В который раз я выполняю добрую половину их работы! (Или злую?... Ещё один каламбур). Клиенты к ним от меня приходят уже в состоянии полуфабрикатов. Остаётся только лавры пожинать. А они – хоть бы какой шоколадкой отдарились, чисто ради приличия! Нет, делают вид, будто так и должно быть... Ну не могу же я начать халтурить только из-за того, что отдельные коллеги не способны на элементарную благодарность? Демоны, одно слово...

Мои конкуренты – Проводники – напряглись. Совещаются. Сейчас они попытаются выбить Василия из эмоционального коллапса, в который я его мягко направила. Как профессионал я им в чем-то сочувствую (если понятие сочувствия вообще применимо к демонам): борьба с коллапсом – дело тяжкое, муторное. Но если у них и возникли проблемы, то никак нельзя винить в этом меня. Я просто делаю свою работу. Я – мытарь.

Все страсти, которыми так охотно пользуются люди, по Закону принадлежат нам. И если человек при жизни успел попользоваться нашей собственностью, пусть не

обижается, если по окончании жизненного срока его попросят заплатить за эксплуатацию. Таковы правила.

...Низкий органнй аккорд сотрясает воздух. Ого! Это шеф. Каждый раз от его звонка делается не по себе: хочется вскочить и вытянуться во фронт. И ведь знаю, вроде бы, что ругать меня не за что, зихеров в последние дни за мной как будто не водилось; а всё равно тревожно.

- Нат, чем занимаешься? – звучит его обманчиво спокойный хриловатый голос.
- Работаю с клиентом, господин Бахамут.
- Можешь сейчас оторваться?
- Да, господин Бахамут. Клиент в коллапсе, развиснется не скоро.
- Вот и ладно. Давай, зайди ко мне.
- Уже иду, господин Бахамут.

...Кабинет шефа нынче расположился в грозовой туче. Густой туман до предела напуган статическим электричеством. От статики у меня возникает неприятное ощущение, будто по всему телу бегают мурашки. А шеф, похоже, напротив – наслаждается. В гигантском камине каждые тридцать секунд вспыхивает декоративная бесшумная молния.

Бахамут вальяжно развалился в клубах тумана. Будь он человеком, то производил бы впечатление добродушного стареющего толстяка. Но он не человек. Как и я.

- Заходи, Натанаэль. Располагайся.

Я осторожно присаживаюсь на какой-то выступ, подальше от камина. Если уж статика на меня так дурно влияет, то чего ждать от полновесного разряда.

- Как успехи? Как настроение? – невинно интересуется начальник отдела.
- За сегодня принимаю пятнадцатого. Четверо висят, остальные оформлены и переправлены на следующий этап.

Я никак не пойму, куда он клонит. Зачем я ему понадобилась? А-а, может быть, это насчёт вчерашнего парнишки, у которого оказался прихват наверху? Я тогда и рта раскрыть не успела, как его выдернули у меня из-под носа. За него, видите ли, походатайствовал какой-то продвинутый чувак с Неба!.. Но Проводники при этом предоставили все необходимые документы, с надлежащими печатями и подписями. Я и не могла ничего сделать в такой ситуации, у меня нет полномочий. И Бахамут должен быть в курсе...

– Если Вы насчёт вчерашнего клиента, которого провели транзитом... – осторожно начинаю я.

– Я в курсе, – небрежно отмахивается Бахамут. – С этим всё в порядке. Речь сейчас о другом.

...Ну вот. Снова приходится ломать голову, за что я сейчас получу разнос. Или просто нагрузят новой работой? Сверхурочно, но за ту же зарплату?

– Мы подвели итоги работы за истекший квартал, – неспешно начинает шеф. Ага, наконец-то, к делу! – Их мы подробнее обсудим завтра на общем собрании. И положительные были моменты, и недочёты... Кое-кому явно не хватает дисциплины... Наш отдел всегда был на особом счету в Департаменте Воздушных Мытарств. Мы первыми встречаем отлетевшую с земли человеческую душу. Мы, так сказать, формируем у клиента впечатление обо всей нашей организации. И поэтому на нас лежит особая, почётная ответственность... Конечно, она налагает и особые требования на сотрудников...

Старик, кажется, уже ощутил себя ведущим предстоящее собрание. Да, всё-таки возраст накладывает отпечаток даже на демонов... Или он просто играет роль?

– Ну, ладно, это всё завтра, – оборвал он сам себя. – А тебя я вызвал вот зачем. По итогам квартала твои показатели оказались самыми лучшими на весь отдел.

– Ух ты! – непроизвольно вырывается у меня. Вот это, действительно, неожиданность. Я, конечно, знала, что я неплохой работник, но чтоб настолько!..

– Да, принимай поздравления.

– Здорово, я даже не ожидала. Благодарю, господин Бахамут.

– Мы с руководством посоветовались и решили предоставить тебе отпуск. В полном объёме. Ты когда ещё заявление на отпуск писала...

«Когда-когда. Сто лет назад, вот когда». Подумала я. Но вслух промолчала.

– Да, – продолжает шеф. Может, он и прочитал мои мысли, но из вежливости не подал виду. – Кто хорошо работает, тот должен и отдыхать соответственно. Чтобы в дальнейшем продолжать хорошо работать. Поэтому, в качестве поощрения, мы дарим тебе возможность провести отпуск на земле в человеческом теле. В настоящем живом человеческом теле. Есть несколько вариантов, ты сможешь выбрать любой из них. Все документы уже оформлены, Главный утвердил. Ну, как? Довольна?

От навалившегося внезапно счастья у меня аж в зобу дыхание спёрло. Одно дело – просто выслушать благодарность от начальства. Её в карман не положишь. И совсем другое – настоящий отпуск! Да ещё в настоящем живом человеке! С тёплой кровью, с гладкой кожей, с гибкими суставами. Не какой-нибудь там полусгнивший зомби!

Бахамут вполне уловил мой эмоциональный всплеск. Он ухмыльнулся, как сытый кот. Чем хорошо общение с себе подобными: не обязательно выражать мысли словами, хотя официальная обстановка по этикету требует и вербальной формулировки.

– Господин Бахамут, у меня не хватает слов, чтобы выразить свою признательность. Вы делаете мне шикарный подарок.

– Вот видишь, для нас нет ничего невозможного, – самодовольно замечает шеф. – Было бы за что поощрять. А то всё больше наказывать приходится. Ну, ладно. Посмотрим кандидатов.

Бахамут накрывает меня своей сферой восприятия. Я и не пытаюсь сопротивляться, он делает это в моих же интересах; но чувствую, что если бы вдруг попыталась, то у меня ничего бы не вышло. Как оса в варенье: сколько ни дёргайся – только увязнешь ещё сильнее. Ещё бы: у меня-то одиннадцатый ранг, а у него – четвёртый!

В нашем общем поле зрения начинают появляться персонажи, призванные одолжить мне свою телесную оболочку на ближайший год, по их, земному, времени. Все фигуры цветные, объёмные, в натуральную величину.

Кандидат номер один. Мужчина. Двадцать пять лет. Место жительства: западная Европа. Род занятий: военнослужащий. Круг интересов: карьера, секс, азартные игры. Материальная обеспеченность: четыре по десятибалльной шкале.

Неплохо. Но... посмотрим, что дальше.

Номер два. Женщина. Тридцать восемь лет. Средняя Азия. Жена высокопоставленного вельможи. Интересы: власть. Огромная власть. Безграничная власть. И... вкусно покушать. Фу-у-у! Чревоугодников мне хватает на работе. А прожить в таком существе весь отпуск!.. Меня охватывает чувство брезгливости.

Что там дальше? Мужчина. Тридцать шесть лет. Западная Европа. Род занятий: слуга культа. Интересы: поиск философского камня и эротические фантазии, связанные с молоденькими девушками. Камень так до сих пор и не нашел, ни с одной из девушек так до сих пор и не переспал. Тьфу, извращенец и неудачник. К тому же, лысый какой-то...

Не хочу. Дальше!

Женщина. Семнадцать лет. Точнее будет сказать, девушка... Западная Европа. (Что-то почти все кандидаты идут из этого региона... Не иначе, как там сейчас начинается какая-нибудь эпоха научного подъёма и культурного возрождения. Везде, где начинают активнее шевелиться наука и культура, количество страстей увеличивается в разы. Взять, например, расцвет Римской империи. Могучая держава, толпы обжор... Иной раз даже приходилось вкалывать сверхурочно... Потом Небеса провели успешную PR-кампанию

своему ставленнику, наше ведомство подтёрло сопли и затянуло пояса, а Рим, немножко поагонизировав, развалился к чёртовой матери. Да, окидывая взором с нынешних позиций всю эту движуху, невольно понимаешь, что конкуренты раскрутили очень мощный бренд под названием «христианство». И лишь умелая смена стратегии и тактики позиционирования, планомерно реализуемая не одно столетие, спасла нашу контору от полного банкротства. Конкуренты, к слову сказать, не ждали, что мы так быстро выкарабкаемся. А сейчас мы на подъёме... Вот, скажем, проект «Инквизиция»... Впрочем, не стоит забивать голову работой перед отпуском!).

...Так что там с девицей? Живёт на иждивении у родителей. Неплохо, работать не надо. Круг интересов: чтение, рисование. Звучит, как расписание уроков в первом классе. А вот внешность примечательная. Изысканная хрупкая блондинка с ангельски-благородным личиком. Ну-ка, а как у нас с чревоугодием? По нулям! Что за прелесть!

Если можно, поподробнее, пожалуйста.

Социальный статус: дворянство. Материальное обеспечение: пять из десяти баллов. Не очень, конечно, но дело поправимое. Тем более, при такой внешности. Физическое здоровье: семь баллов по десятибалльной шкале. В семье единственный ребёнок. Проживает с родителями. Особенности психики: интровертированность, впечатлительность, сенситивность, предрасположенность к астено-невротическим реакциям. Ворота вхождения греха: праздная мечтательность.

Мне нравится. Запомним и отложим в сторону. На всякий случай, просмотрим оставшихся кандидатов.

Мужчина. Пятьдесят три года. Северный Китай. Государственный чиновник. Интересы: философия, путь Дао. Женат, пятеро детей...

Я просмотрела ещё с полдюжины вариантов. Экзотика, вроде австралийского аборигена-пигмея или эвенкийского шамана, была отброшена сразу: хотелось нормальной человеческой жизни. Ещё трое вызвали у меня неприязнь как безнадёжные приверженцы чревоугодия. Из оставшихся самыми симпатичными представлялись трое: молодой вояка под номером один, мечтательная дева и северо-китайский философ. Философ обременён многочисленным семейством. Вояку в любой момент могут послать в какую-нибудь смертоубийственную заварушку.

Я выбираю девицу. Марию де Мюссе. Её положение в человеческом сообществе наиболее согласуется с моими представлениями о беззаботной отпускной жизни. Так сказать, курорт с трёхзвёздочным отелем. All included. (На пять звёзд из них всё равно не тянул никто...)

– Хороший выбор, – слышу голос шефа. Он убирает сферу так же резко, как перед этим её развернул. Мы снова в туче. От статики зудит спина.

– Когда я могу выйти в отпуск?

– Да хоть послезавтра, если успеешь сдать все дела. Но помни: завтра с утра общее собрание. Явка строго обязательна.

– Да, господин Бахамут.

– Теперь о теле, – шеф делается очень серьёзным. – Помни: ты несёшь за него материальную ответственность. Это не наша собственность, мы его арендуем. Если с ним что-то случится, неприятности возникнут у всех. Это не скелет, не труп, даже не животное. Это гораздо более тонкая и сложная система. Так что изучи инструкцию по эксплуатации от корки до корки. Лучше всего, выучи наизусть. И Договор на временное пользование – тоже. Особое внимание обрати на следующий пункт: «Пользователь обязан по истечении срока пользования вернуть тело без необратимых физических и психических повреждений. В противном случае он несёт административную ответственность согласно действующему Кодексу...». Этот момент ясен?

– Да, господин Бахамут. Нужно вернуть тело без необратимых повреждений.

– Вот именно!

Шеф придвигает ко мне толстую кипу бумаг.

– Здесь досье на Марию де Мюссе, инструкция по эксплуатации и Договор в двух экземплярах. Один экземпляр в подписанном виде завтра вернёшь мне. Забирай. Изучай. Думай.

Я беру бумаги.

Бахамут выкладывает передо мной сероватый запечатанный конверт. Ни адресов, ни подписи. Лишь тонкая полоска текста у верхнего края: «Мария де Мюссе».

– Коды доступа, – сообщает Бахамут. – Выучи наизусть и уничтожь бумагу. Это секретная информация.

– Понятно.

– Вопросы есть?

– Пока нет.

– Ну, тогда не стану больше задерживать. Дел у тебя полно. Ступай...

С чувством облегчения покидаю тучу. Долго чешусь спиной о порывы северного ветра. Много ли нужно для счастья? Всего лишь как следует почесаться. И получить отпуск в человеческом теле.

Возвращаюсь на рабочее место.

Василий пребывает всё в том же состоянии, лишь степень охвата отчаянием доросла уже до семидесяти девяти процентов. Проводники мрачны. Похоже, они уже предприняли несколько попыток переключить его внимание, но всё оказалось безрезультатно. Что ж, это закономерно. Время собирать камни...

...Звон хрустальных колокольчиков в воздухе. Голос Зараэля:

– Нат, где тебя носит?

– Я на месте. Была у шефа.

– Ну и как? Отымели? В извращённой форме?

– Отпуск подписали.

– Ни фиги себе! Ну, поздравляю. С тебя причитается.

– Знаю...

– Сегодня ещё работаешь?

– Да.

– Тогда готовься. Новый клиент.

Я держу сферу восприятия...»

А я уйду на север...

«Представьте себе Красноярск...

Знаете, где это?

А теперь представьте себе Якутск...

Тоже знаете?

А посёлок Батагай?..

Ага! То-то же...

Так вот, от Батагая ещё 100 км к северу на вертолёте

— и я дома...

Командировки, командировки... Это, конечно, интересно, но тяжело как-то...

И с билетами постоянно жуткая катавасия, как-никак «застой на излёте», середина 80-х годов XX века.

Из одной такой командировки я тогда и возвращалась.

Как-то неудачно всё сложилось.

Совсем не так, как хотелось.

Радовали лишь две бутылки шикарного коньяка, весело побрякивающие в моих походно-командировочных северных мешках, лежащие там же огромная коробка конфет да свитер ангорской пряжи в подарок мужу (жуткий дефицит, надо сказать).

Ну, наконец-то...

Я в красноярском аэропорту!

Ноги гудят как телеграфные столбы, руки оттянуты, наверное, до колена, а сил говорить нет вообще.

Ещё издали заметив свободное кресло в зале ожидания, стремительно перемещаюсь к нему, усаживаюсь, ставлю мешки перед собой, кладу на них гудящие ноги в целях воспрепятствования несанкционированной экспроприации. До вылета ещё пять часов.

Приятно-сладкая дремота обволакивает меня, увлекая за собой в тёплые и по-летнему зелёные миры снов.

— Уважаемые пассажиры! Заканчивается регистрация на рейс №xxxxx Красноярск — Якутск! Имеются свободные места!

Ура! Подремать, конечно, было бы хорошо, но куда лучше быть дома раньше, чем планировала... Надо же, какое везение! Хоть к концу командировки попёрло!

Хватаю пожитки и бегом на регистрацию.

Накопитель.

Автобус.

Ух! Вот это оперативность! Я уже в самолёте!

Оглядываю мельком соседей, пристёгиваюсь, чтобы потом не отвлекаться, и терпеливо жду, пока в сторонке дрема опять наваливается на меня.

– Уважаемые пассажиры! Наш самолёт совершает рейс №zzzzz Красноярск – Норильск...

«Какой ещё, нафиг, Норильск? – путано думаю сквозь сон. – Зачем мне в Норильск?.. Как Норильск? А Якутск? Или мне в Норильск? Где я?»

Мгновенно просыпаюсь и истерично вскакиваю.

Вернее – пытаюсь вскочить, но я же пристёгнута!

Пассажиры с удивлением взирают на бьющуюся в непонятных конвульсиях соседку.

Стюардесса!!! Где стюардесса?

Сбивчиво объясняю ей ситуацию. Та впадает в панику и вместо того, чтобы помочь мне, начинает долго и крикливо общаться с кем-то по рации, не обращая на меня ни малейшего внимания.

Тем временем от борта неторопливо отъезжает трап.

А я? А как же я? Мне не надо в Норильск!!! Где мой родной якутский самолётик?

Откуда ни возьмись возникает доброжелатель в форме пилота и предлагает мне верёвочную лестницу вместо трапа. Да хоть обычный канат, только скорее!

Очень неудобная штука эта верёвочная лестница, скажу я вам...

Особенно для женщины...

Особенно для женщины в юбке...

Особенно для женщины в юбке в ветреную погоду...

Особенно для женщины в юбке в ветреную погоду и с двумя мешками в руках...

Как я спустилась и чем держалась за лестницу – не пойму до сих пор... Хорошо – был уже довольно поздний вечер...

Земля! Теперь я поняла, почему её целуют моряки, сошедшие на берег после долгого плавания... Но мне некогда!

Земля... И что? Шеренга огромных самолётов... Какой мой? Бегу...

Подбегаю к первому, взлетаю по трапу, навстречу сонная стюардесса.

– В Якутск? – выкрикиваю я.

– Не-ет... – как-то неуверенно отвечает стюардесса.

Вниз по трапу, к следующему! Лицо мокрое от пота. Юбка развевается на ветру. Мешки больно бьют по ногам.

Но надо... Надо! Надо успеть!

Опять нет... Дальше!

Лечу, как по стоянке такси, ища, кто подвезёт в попутном направлении...

На пятом механизме силы меня оставляют. Мысль «почему на самолётах нет маршрутных табличек?» начинает разъедать мне мозг.

Всё... Пойду на аэровокзал. Улетел уже, наверное, мой родненький... Якутский.

– Девушка! Девушка-а! Это вы в Якутск летите? – очертания трапа смутно проступают сквозь вечерний сумрак.

– Да...

– Так садитесь же! Быстрей!

Взбираюсь на трап и прямо на нём рассекаю по взлётному полю.

Подвозят, естественно, к ПОСЛЕДНЕМУ самолёту в этой гигантской шеренге...

Сажусь. Пристёгиваюсь. Вытираю пот с лица... Неужели всё закончилось?

Один из сидящих впереди двух кавказцев оборачивается ко мне:

– Дэвушка! Это из-за тэбя рэйс задэржали, а?

Виновато киваю в ответ.

– А кто платит будэт? У мэня гваздыки в багаже...

Молчу... Дурак! Тебе бы МОИ проблемы. Гвоздики у него...

Теперь поворачивается и второй:

– Эй, нэ приставай! Видишь – пэрэпугана дэвушка... И нэ валнуйся за гваздики, чэрэз три часа будэм в Иркутске...

Что-о-о-о-о? О, ужас! О, горе мне!!! Какой ещё Иркутск? Где этот трап? Где мой Якутск? Сил сопротивляться судьбе больше нет... Остались силы только зареветь... Во весь голос...

– МА-А-А-МА-А-А-А!!!

Кавказцы перепугались и бросились наперебой извиняться. Оказывается – это они так ШУТИЛИ, зная о моей ситуации!

Долго ещё меня потрясывало от избытка накопленного за этот вечер адреналина...

Там-тарам-там-там! Ля-ля-ля... Якутск!

Ещё три часа лёту и я в Батагае. А тут уже... Мелочи... Сотня километров на вертолёте, можно сказать – на трамвае.

Захожу в избушку с торжественным названием «Диспетчерский Пункт», оставляя надоевшие до чёртиков мешки прямо у входа на улице. Регистрируюсь... Ура! Сколько знакомых и почти родных лиц! Ля-ля-ля...

В приподнятом настроении выхожу из диспетчерской... Ля-ля-ля... Стоп! А где вещи? Где мои мешки?

– Так это... – недоумевают мужики, стоящие группой неподалёку. – Тётка какая-то с детьми попросила помочь ей багаж донести до самолёта... Мы и донесли...

Какая тётка? Где мои родные мешочки?

Взбалмошно бегаю по аэродромному полю, разыскивая «тёткин» самолёт. Просто дежа вю какое-то... Поняв, что самолёт уже улетел, несусь со всех ног к диспетчеру.

– Вещи мои верните, ради всего святого!

Срочная радиосвязь с бортом. Да, вещи здесь... Назад? Назад будем через четыре часа... Что делать? По-любому придётся ждать...

Через час появляется муж.

Он встречал меня на вертолётной площадке, а тут прилетели коллеги и доложили «Там твоя ненормальная (тут надо обязательно покрутить пальцем у виска) бегают по аэродромам! А вещи так вообще... По всему Заполярью разбросала...» Муж на вертушку и навстречу мне! Вдвоём веселее ждать, конечно...

Через четыре часа борт не вернулся. Нелётная погода где-то там... Будет к утру...

Идём в гостиницу, а чуть свет – снова около «Диспетчерского Пункта».

Боже! На крыльце одиноко и сиротливо скучают мои мешки! Мешочечки мои... Мешочулецоночки... Уф! Всё!

Вот только интересно – сильно ли расстроится муж, узнав о пропаже коньяка?

Через минуту меня охватил стыд за столь чёрные мысли в моей измученной голове и безумная гордость за свой бесподобный, добрый, отзывчивый и честный народ...

Даже коньяк был на месте!»

Новелла 1

– Вы хотите узнать о Боге? – Я почти пропустил вопрос мимо ушей, но три стройных молодых человека в дорогих костюмах перегородили весь тротуар. Обходить их по газону было лень, да и как-то не солидно бегать от каких-то миссионеров.

Я посмотрел в глаза вопрошавшему. Какие-то пустые. Кто-то из моих знакомых называл такой взгляд просверленными копейками: за ними ничего не проглядывало кроме черноты. Не было ни эмоций, ни даже интереса к объекту своего вопроса.

– А Вы с ним близко знакомы? – Я вложил в голос столько сарказма, сколько позволяла вежливость. Не гоже грубить тому, кто тебе ещё ничего плохого не сделал. От этого на Паутине появляются узлы. А их и без этого слишком много. Да и надо быть просто благодарным тому, кто посылает их. Значит, скоро опять мои пальцы будут распутывать узлы Паутины.

– Да. Я каждый день разговариваю с Ним... – Правильная речь, акцент почти не ощущается, но, всё же понятно – язык ему не родной. Иностранец.

– Молодой человек, это не ко мне. Я не психиатр. – Интересно, он просто непробиваемый или гордый? Сейчас узнаем.

– Я не сумасшедший! Я несу весть, что Он нас любит! И Вас тоже!!!

– Простите за грубость, но в здешних краях эту весть знают уже больше тысячи лет. Вы же из Америки?

– Да. – Спесь он уже поубавил.

– Так вот, это в пять раз дольше, чем существует Ваша страна. Вы ошиблись. Вам лучше бы в Африку.

– В Африке другие люди работают. И тоже несут Слово Божие!

– Лучше бы учили их пахать.

– Мы делаем главное: учим любви к Богу!

Как ты мне надоел... Пора от тебя избавляться.

– А простите, вы к какой конфессии относитесь?

– Церковь Иисуса.

– У-у... А как по-другому? А то я не знаю.

– Мормоны. – Парни оживились. – Вы слышали о нашей церкви?!

– Да. На «ЕвроНьюс» недавно показывали, как в Штатах ваших трясли. О многожёнстве, изнасиловании несовершеннолетних, домашнем насилии... Хорошая реклама.

– Да Вы что!.. Я никогда не слышал о том, что бы кто-то этим занимался!

– Так по-вашему ваше же средства массовой информации врут?!

– Почему? Я Вам клянусь, что нет ничего подобного!

– А что же Ваша клятва так не согласуется с рассказами ваших же СМИ? Кто врёт?

На лицах парней скользят тени противоречивых чувств.

– Ну, не знаю. Они ошиблись.

– А почему бы Вам не отправиться домой и не наставить своих сограждан на путь истинный? Ну, что бы они не ошибались...

– Потому что здесь нельзя встретить Бога. Вы можете указать мне место, где бы я мог здесь встретить Бога?!

– С радостью. Вот по этой улице пройдёте по прямой один квартал. Там будет его офис. Вы его узнаете по крестам. И если поторопитесь, то можете успеть к обеду. Там будет явлено чудо: Господь спустится к молящимся.

– Это ложный Бог!

– Это ещё почему?

– Я Вам клянусь своей душой!

– Знаете, Вы слишком много и легко клянётесь. Особенно для человека, который открыто признаётся в принадлежности к сообществу насильников и сексуально распущенных извращенцев. Вы не можете убедить собственные СМИ, что никого не насилуете, а предлагаете мне поверить, что по вечерам пьёте чай с самим Создателем?! Я не думал, что выгляжу таким наивным простаком.

– У Вас нет общения с Богом!

– Давайте оставим это на моей совести. Бог не гневается на меня, значит Он считает мои действия в рамках дозволенного. Я его устраиваю, и он меня тоже. Нам хорошо вместе. И Вы тут совершенно излишни.

– Ну, как знаете.

– И Вам не навредить на неприятности.

Озадаченные миссионеры ушли. Я проводил их взглядом. Интересно, будут ли ещё знаки?

К миссионерам подошла старушка. Что-то бурно им объясняла. Мальчики беспомощно хлопали по карманам. Старушка горестно всплеснула руками и поковыляла в мою сторону. Я терпеливо ждал.

– Подай, касатик.

– Ведь пропьёшь... – со вселенской тоской во взгляде я воззрился на старушку.

– А мож акромья водки у меня и радости в жизни никакой нетути?! Не трусъ: я на Суде скажу, что сама пила.

– А ты думаешь, Там твоё мнение кого-нибудь интересует?

Старушка враз переменилась: напускная весёлость слетела, на плечи навалилась усталость.

– Да память плоха стала. Сестра посоветовала полюсы пить, а оне жеж ажно пять сотен стоятъ.

– Полюсы?

– Ну, китайские такие... Конфеты козы. Оне ащё в телевизоре идуть.

– Болюсы Хуа То?

– Онеж самые... А пенсии-то на простые лекарства не хватает, а тут ещё и полюсы...

– Ладно. – Я извлёк сиреневую бумажку. – Держи. Только смотри не обмани.

– Тебя обманешь... Небось грехи замаливаешь? Вон лучше бабе с дитём помощи: куда больше пользы будет, чем мене подавать. – Она кивнула на худющую девушку, нервно пытающуюся укачать плачущего в коляске младенца.

– А почему бабе?

– Раз с дитём – значит баба, – бабка как отрезала. Гордо выпрямилась и как-то умудрилась посмотреть на меня сверху вниз.

– Однозначно не мужик. Держи. – Я протянул ей рябиновые чётки. – Тебе они нужнее.

– И чё такое?

– Поверишь, что это кипарисовые чётки с Афона?

– Не-а. Это рябиновые. Наговорные. Но я тож своё уже отколдовала. Теперь даже лечусь полюсами.

– Вот и лечись.

– Грехи замаливаешь. – Старая ведьма ещё сильнее выпрямилась. Прямо помолодела даже.

– Сама-то чем занимаешься?

– Не, мне просто малютку жалко. Да вот силы уж нет отогнать поганцев. Помогите.

– Иди с миром.

– Спасибо, внучок.

Я нашёл её нить в Паутине. Гладкая, ровная. Зря старая на себя наговаривала напраслину: мало на ней зла. А за мной? Не знаю. Я не могу увидеть свою нить, даже примерно. Но вот она всю жизнь жила по совести. Иди с миром. А мне пора за работу.

Лицо Худышки застыло. Видимо много плакала, а сейчас сил уже ни на что не осталось. Но глаза... Глаза живые, серо-зелёные.

– Как малышка?

– Что?

Главное – поймать взгляд. После этого она вся в моей власти. Взгляд – зеркало души.

– Сильно болеет?

– Да... – Взгляд измученной жертвы.

Долго плакала. Но, теперь я крепко держу её нить. Отец Небесный, она впивается сотнями жал и жжётся как раскалённая проволока! Сколько же ты надавала клятв!

Люди думают, что клятва чьим-то именем – это просто пустой звук. Но, призывая кого-то в свидетели, мы делаем его гарантом нашей клятвы. Если её не исполним мы, то её должен исполнить тот, чьим именем она скрепляется. Иначе уже он будет считаться клятвopеступником. Это мы принуждаем его совершить преступление, а значит он теряет силу. А это ведь никому не нравится, и они нас карают. Может и Падшие нужны для того, что бы карать нас? Не знаю. Но, надо сделать всё, что получится.

– Пойдём. Ты живёшь одна?

– Да. Муж на Севере.

Она покорно бредёт к дому, даже не пытаюсь сопротивляться. Странное это ощущение: сейчас я имею над ней абсолютную власть. Смесь восторга и ужаса... От того что могу и от осознания что могу. Желание познать пределы власти борется с ужасом понимания, что их почти нет.

– А что тебе снится?

– Ангелы... – Её глаза полны всепоглощающего ужаса.

– А почему ты боишься?

– Они хотят забрать Дашеньку. Говорят, что ей у них будет лучше.

– А они до этого к тебе приходили?

– Да... Я им молилась. Сначала они добрые были и ласковые. Помогали, советовали... А потом, когда дочка толкаться начала – стали требовать её к себе. Почему?

– Ангелам нельзя молиться – они только исполнители воли. С таким же успехом можно молить тарелку о пище. А если они имеют свою волю, то они – демоны.

– Помогите поднять на крыльцо коляску.

– Сейчас.

Она ещё раз посмотрела на чётки: старой ведьме не верилось, что кто-то может так запросто отдать такое сокровище. И денежка... Маг, отдавший деньги добровольно, безо всякой выгоды... В это ей не верилось. Но и чётки были настоящие, да и бумажка тоже. Неужели удастся вытащить деда?.. Она опасливо прочитала молитву одним губами и приложила таблетку ключа в выемку домофона. Радостно замигал зелёный огонёк. Тяжёлая металлическая дверь, с доводчиком, нехотя открылась. Вместо привычной бетонной лестницы в тёмном чреве подъезда клубился фиолетовый туман. Ведьма сплюнула и решительно шагнула вперёд.

Он появился неожиданно, впрочем, как и всегда.

– Что, принесла? Сегодня последняя ночь новолуния. Пора платить: ночью меня ждут. Людская жалость снова в цене.

– Ты ещё не погасил?

– Что, старая, не веришь?

- Покажи.
- А много насобирила?
- Много. Покажи.
- Ну, смотри.

Маленькая склянка, в которой теплится огонёк. Тот самый. Огонёк души её деда. Боженьки, уже больше шестидесяти лет вместе... И как только сумел обмишулить её этот подлец?!.. Как сумел похитить этот мигающий огонёк?..

- Насмотрелась?
- Да. Вон в том углу котомка с подаванием.
- Ведьма бросила щепоть пыли, и стало видно увесистый узелок.
- Сильна, сильна. – Посланец наклонился.

Пора! Старуха рванулась вперёд как, бывалочи, в двадцать лет. Рябиновые чётки полыхнули огненным кольцом и захлестнули шею Посланца.

- Ты что делаешь?! Стерва старая!!! Убью!
- Перетопчешься. Пока я с тебя сама ЭТО не сниму – ты в моей власти!

Посланец попробовал схватить чётки руками, но пальцы полыхнули факелами и он еле успел погасить ладони.

- Откуда это?! Это не твоё! И тебе не пятнадцать, что бы такое купить!
- Жалость бескорыстная.
- Что?! Маг отдал?!
- Он самый. Гони светильник.
- А если нет?
- До ночи ты с ЭТИМ не дотянешь. Быстро! – Ведьма рванула чётки.
- Бери.
- Клятву!
- Я сам, добровольно, отдаю фиал! Всё честно и по совести.
- Замечательно. – Ведьма сдёрнула чётки. На шее Посланца вздулась обугленная борозда.

- Но, с тобой-то я уж посчитаюсь...
- Не выйдет. – Ведьма сунула ему в зубы пятисотку.
- Что это?
- Выкуп за мою душу.
- И ты думаешь, что за такую жалкую сумму я тебя отпущу?!
- Договор. Как только я смогу тебе отдать подавание мага – я свободна.
- Это?! – Посланец с ужасом смотрел на упавшую на пол мятую купюру.
- Это. Бескорыстная жалость и подавание мага. Они способны искупить грехи, как и жалость распятого Разбойника. Подавание коснулось тебя – я свободна.

Ведьма зашептала заклинание и несколько раз взмахнула чётками.

Туман рассеялся. Она бодро поднялась к лифту. Нажала на кнопку, и двери тут же широко распахнулись перед ней.

- Прощай!

Посланец не ответил. Двери лифта с лязгом захлопнулись и кабина поплыла вверх. Ведьма ласково погладила фиал.

- Теперь и умереть не страшно. Всё хорошо, дорогой мой...

Виталий по молодецки рванул на себя дверь подъезда. Да так лихо, что ветер взметнул на полу какую-то бумажку.

- О! Пятихатка! Гуляем!

Он воровато оглянулся, схватил мятую бумажку и бросился назад из подъезда.

Худышку трясло. Ей было страшно.

- Я их слышу!
- И что они говорят?
- Если я не прогоню Вас, то они заберут Дашу!
- А если прогонишь, то они её точно заберут.
- И что мне делать?
- Послать их.
- Не могу... Язык не поворачивается.
- Даже так...
- Но, они ведь творят добро...
- Я не уверен, что добро вообще можно сотворить.
- Почему?
- Потому что добро изначально присуще миру. Так что единственное, что можно сделать: это либо сохранить устойчивость мира, но тогда это даже нельзя назвать деянием, либо уменьшить устойчивость, тогда – это злодеяние.
- И что же мне делать?
- Спасать дочь. Плюй на все их крики. Они тебе что, дороже дочери?
- Нет... У меня нет ничего дороже доченьки.
- Вот и держи это в своей тупой голове. А теперь сядь и закрой глаза.

Худышка села. Я взял малышку на руки. Косточки выпирали даже сквозь пелёнки, но она сумела открыть глазки. Я осторожно влил в неё немного своих сил. «Ангелы» почувствовали, что девочка ожила, и бросились к ней. Самые нетерпеливые попали в Паутину, которую я немного изменил. Пока они трепыхались, разрывая нити, я нашёл те из них, что связывали малышку и «ангелов». Осталось немного. Содрал нити и туго переплёл нить ребёнка с нитью матери. Всё. Узор сплетён. Но, его ещё надо закрепить, а вот этим должна заняться мать.

- Я тронул плечо Худышки.
- Проснись.
- Что с Дашей?! – В глазах плескался страх.
- Спит.
- Спит? Давно?
- Уже часа четыре.
- Боже! Она ни разу не спала дольше десяти минут! С ней всё в порядке?
- Да. Ей хорошо.
- И на долго?
- Это уже зависит от Вас. За глупости надо платить.
- Сколько?
- За глупости деньгами не расплачиваются.
- А чем? – В глазах снова пробуждается страх. – Если что, я на всё готова...
- Наверное, это должно быть приятно: заставить женщину добровольно сделать то, чего она до жути боится... Но, это не по мне.
- Я вынул из кармана резную безделушку.
- Храни её месяц. Потом вернёшь.
- Как?
- Найдёшь меня. Сама. И ещё, сделай мне резную ступку. С мордами этих твоих «ангелов».
- Хорошо. Как же мне найти Вас?
- Найдёшь. И не смей больше молиться им, поняла?
- Да, конечно.
- Надумаешь дурить – я с тебя шкуру сдеру живьём.

- Я поняла.
- Тогда, закрой за мной дверь.

Виталик с трудом поднял гудящую с похмелья голову. Нет, не показалось: тот, кто толкнул его стоял рядом.

– Ты кто? – Виталий с трудом разглядел висящие на стене часы. – Блин, два часа ночи!!! И как ты тут оказался-то? Ты кто?!

– Конь в фланелевом пальто. – Гость присел на корточки рядом с кроватью. Виталик совсем рядом увидел страшный ожёг на горле гостя.

– И чё те надо?

– Тебя... Ты пропил свой счастливый билет.

– Что?

– Пятихатку из подъезда.

– Она твоя? Я верну...

– Нет. Она была твоя. Но, ты её пропил, а следом пропьёшь всё. Это была милость в чистом виде, а ты её спустил на водку. Вот и всё променяешь на неё. А я буду навещать тебя в похмельном бреду...

Старая ведьма спала и улыбалась: ей снилось, что она, молодая и красивая, легко бежит по заливному лугу, а впереди только простор и солнце ласково обволакивает её своим теплом. Давно ей не снились такие светлые сны. И так сладко она тоже не спала очень давно: её дед впервые за несколько лет спал тихо и спокойно... Как младенец. Его больное сердце билось ровно, даже не пытаясь превратиться в жгучий комок боли.

Через месяц я зашёл в тот же двор. Худышка подняла на меня глаза и радостно улыбнулась:

– А я только что о Вас думала. Вот Ваша ступка и статуэтка! – Она протянула мне любовно расшитый мешочек. А Вы – просто волшебник! Дашенька весёлая, кушать стала хорошо. Мы два килограмма набрали! Все врачи в шоке!

– Почему?

– Мне на неё выписали свидетельство о смерти. Без даты...

– Храни его. И не лезь в высшие сферы.

– Ещё раз спасибо. А как Вас зовут?

– Никак. Я сам прихожу, когда надо. Прощай.

– Прощайте...

Дома я положил поделку женщины в сундук с такими же пустыми безделушками. За каждой из них стоит своя история. Я с тоской посмотрел в ненасытную утробу сундука: даже не треть... Значит и мне до свободы далеко, а я так устал. Ко мне ведь не сможет прийти Плетущий Паутину. Я ведь даже собственную нить не вижу, хоть иногда так хочется надеяться, что придёт Добрый Волшебник, взмахнёт палочкой, и не надо будет видеть Паутину людских судеб. Но, это только сказка, а я не верю в сказки. Я их создаю. Для других.

Одной строкой

Божественно красивые женщины выглядят чертовски привлекательно.

У талантливого писателя даже некрологи читаются с удовольствием.

Детей, действительно, находят в капусте. Детей колорадского жука, тли, саранчи и гусениц.

Президентам дают срок от четырех до восьми лет. Я бы дал больше.

Взял от жизни все, обобрав ее до ниточки. Даже фигой с маслом не побрезговал.

Все в руках человека! А не только стакан водки и хвост селедки.

Он был так хорошо образован, что мог научить попугая материться на десяти языках, но был не так дурно воспитан, чтобы заводить себе попугая.

А не пора ли в музейные фонды ввести штатную должность «ангел-хранитель»?

Давайте относиться к некоторым людям так, словно они ими являются!

Наше общество давно созрело для того, чтобы получить статус общества с ограниченной ответственностью.

Собственного мнения не имел - был в принципе против частной собственности.

Не беда, что нет ни гроша за душой. Зато какой булыжник за пазухой!

Эпитафия: "Он был предан до гроба. Анафеме".

Конец света еще не наступил. Видимо, всемогущий Господь еще не послал на Землю Спасителя.

Внимание! В этой жизни есть только три вида утешений - секс, сон, еда и неуплаченные налоги.

Не достаточно признавать недостатки. Надо ещё, чтобы они были чужими.

Буржуй всегда готов прийти на выручку. Особенно, если выручка большая.

На тему совести всегда есть о чем помолчать.

Больного беспокоил нездоровый интерес семейного врача к состоянию его здоровья.

Бескорыстный человек даже чужое горе разделит так, чтобы самому ничего не досталось.

Ради жизни

Сознание возвращалось медленно, заполняясь волнами нарастающей боли по всему телу. Казалось, оно не хочет возвращаться в измученный ранами и ослабевший от них организм, что бы отдохнуть от всего, что пришлось пережить и испытать за предыдущее время жизни.

Больной с усилием приподнял тяжеленные веки и осмотрелся настолько, насколько позволяло боковое зрение.

«Где я?» – появилась первая мысль.

Он попытался вспомнить все, что произошло с ним перед тем, как на сознание опустилась темнота.

Память была пуста... Это удивило и напугало.

«Что это? Почему я ничего не помню? Господи, что со мной?»

Чтобы понять, где находится, он резко повернул голову. Движение мгновенно отозвалось острой болью, которая молнией промчалась по телу, не позволив делать каких-либо других движений. Он охнул, и замер в ожидании ее ослабления.

– Ок ту сино тараз! – воскликнул звонкий незнакомый голос.

Мужчина тут же отметил, что совершенно не понимает языка говорящего.

– Вы меня слышите? – перебил его мысль человек в белом колпаке, вплывший в поле зрения и заставивший своим появлением вздрогнуть.

Он из последних сил кивнул.

– Туэс ок сирап а питаноси уго! – обратился человек к кому-то рядом и сверкнул белозубой улыбкой.

– Литино рарго, – ответили ему, и улыбчивый белозубый задал следующий вопрос.

– Как вы себя чувствуете?

«Хреново», – мысленно ответил пациент, боясь пошевелиться, чтобы не испытать новых приступов боли.

– Отдыхайте, – улыбнулся белозубый и добавил: – Немножко терпения, мой друг, чуточку силы воли, стремления и вы поправитесь. А там уж, даст бог, начнете работать.

«Работать? Начну работать? Значит, я где-то работал? Интересно где?» – подумал он и попытался вспомнить, кем и где работал в выпавшем из памяти прошлом.

В голове пустота, как на магнитофонной пленке, с которой стерли все записи.

«Магнитофонная пленка! Что-то знакомое, – он пытался понять смысл услышанного.

– Кажется это память, только она вне головы. Понятно, а что ж тогда?»...

Игла шприца колко вошла в руку, прервала мысль и заставила вновь провалиться в темноту.

Он не знал, сколько времени пробыл без сознания и новое понятие – «время», пробежавшее по извилинам, цепко ухватилось за мозг.

«Время, – он понял из этого слова: это то, где он живёт, или жил когда-то. – Возможно это дом... Нет, дом что-то другое, но и в нём тоже живут...»

Белый, чистый, без единой трещины или царапины, потолок, на который приходилось постоянно пялиться, действовал на нервы. Захотелось повернуться на бок, просто пошевелиться, отвернуться от этого чертового потолка, чтобы не видеть его.

Спина гудела и стонала от напряжения.

«Отлежал, – решил он. – Сколько же я так лежу? Наверное, с того дня, как сюда положили».

От этой мысли спина застрадала еще больше.

«Не-ет, так больше невыносимо. Надо попробовать перевернуться, иначе с ума сойду».

Попробовал шевельнуть пальцами и кистями рук – нормально, согнул в локте – то же. В руках боли нет, это хорошо. Затем шевельнул ногами – катит, правда в правой коленке при движении что-то остро кольнуло.

«Ничего, пустяк, перетерпится».

Перевел дух, подождал, пока успокоится взбесившееся от напряжения сердце, и, вложив в движение все силы, попытался повернуться на бок.

– Ок ту сино тарази! – отреагировал на его движение знакомой фразой голос близко стоявшего человека, и кто-то лёгкими шагами поспешил к кровати.

Невероятной силы руки, так ему показалось, положили в прежнее положение. Он попробовал было воспротивиться, но сил хватило лишь на мгновение.

Слабая тень пересекла свет, который исходил откуда-то сбоку, и перед глазами появилось мужское лицо. Лицо было чистое, приятное, можно сказать – холеное, без следов постоянного пользования бритвой, с голубыми, нет, синими глазами.

«Как у ребёнка», – подумал он.

Лицо доброжелательно улыбнулось и заговорило хорошо поставленным голосом, обращаясь к кому-то стоявшему за чертой видимости.

Ему ответили звонким женским голосом. Лицо улыбнулось, что-то ответило и, повторяя вчерашний вопрос, приблизилось к пациенту:

Как вы себя чувствуете?

– Хорошо, – попытался ответить он, но с измученных губ не донеслось даже шепота.

Его поняли, это он понял сразу, но почему-то не ответили. Лицо приветливо улыбнулось и уплыло за пределы видимости.

Начиналось выздоровление.

Совсем скоро он начал ходить.

Сначала на костылях, потом с палочкой. Было тяжело, после нескольких шагов приходилось подолгу отдыхать и набираться сил для последующих попыток.

Ему не препятствовали, но и не помогали, если не считать помощью уколы, которые расслабляли и в то же время накачивали организм благодатной энергией.

Рядом всегда кто-то находился.

Несколько раз он пробовал заговорить с этими людьми, но в ответ получал только вежливое молчание.

Что это за люди? Почему они не оставляют его без внимания даже на минуту? И почему они не отвечают на вопросы? Впрочем, пока его это не очень волновало, волновало совершенно другое: он не знал кто он и где находится?

Казалось, что его не понимают, что он никому не нужен, но все желания, даже те, что выражал мысленно, тут же выполнялись.

Вывод напрашивался один – понимают, возможно, даже слышат, о чем думает, но по какой причине не хотят общаться. А может это все просто кажется? Может просто предугадывают желания, должны же в больнице знать, что требуется больным.

Так и не добившись от окружающего персонала ни слова, он плюнул на все и стал терпеливо дожидаться, когда же, наконец-то появится тот кто-то, кто разъяснит все. Не может быть, чтобы его навсегда оставили в полном неведении, чтоб никто не захотел с ним поговорить.

От нечего делать смотрел фильмы по прибору, включающемуся от требовательного взгляда.

Этот прибор напоминал что-то, но что?

Стена забвения не пускала, не позволяла вспомнить прошлое, и он просто смотрел то, что показывали.

В передачах и фильмах жизнь показывали простой, легкой и радостной, но он понимал, что это все не его, он жил не так, жил в чем-то другом, странном, страшном, забытом – вспомнить бы.

Раз в три дня его посещал Толичано. Этого человека он увидел впервые, когда приходил в себя в первый раз. Толичано представился при третьей встрече. Он мог, или ему было позволено разговаривать с ним, но и он, как все остальные, не отвечал на вопросы о прошлом. Только однажды, когда пациент достал расспросами, Толичано заявил, дав понять, что никто ему до поры не ответит:

– Я не уполномочен отвечать на эти вопросы. Придет время, и вам все объяснят.

Этим красноречивым «вы» он придерживал собеседника на определенной дистанции и не позволял приблизиться в отношениях ни на шаг.

В душе пациента или заключенного, он не знал, в каком качестве находится здесь, хотя для заключенного жить слишком шикарно, наступило спокойствие. Он понял, что нужен этим людям. Но зачем?

«Придет время, расскажут», – так сказал Толичано, но все же неизвестность не давала полного спокойствия, хотелось все знать, вспомнить как можно быстрее.

Как-то раз, изнывая от надоевшего бездействия, он вспомнил, именно вспомнил, о спорте, который мог бы помочь убить медленно текущее время.

Подумав, он тут же переключился на показывающий прибор, чтобы посмотреть какую-то увеселительную передачу.

Наутро следующего дня его провели в соседнюю комнату, где ровными рядами выстроились тренажеры.

Тут же, ниоткуда, словно привидение, появился Толичано и после обязательного приветствия поинтересовался, нравится ли ему спортзал.

Спортзал нравился, очень нравился. Он понял, что когда-то такие же тренажеры были частью повседневной жизни, которая оставалась там, за серой стеной.

С нетерпеливой радостью начал заниматься, и мышцы, ослабленные долгим бездействием, заныли, принимая хоть и не большую, но нагрузку.

Обслуживающий персонал: охрана, или прислуга – он не знал, как охарактеризовать людей в белых халатах, постоянно находящихся рядом, с улыбкой, возможно, с недоумением, наблюдали за увлеченными занятиями, видимо не понимая, зачем все это нужно человеку, у которого все есть.

Он тоже не понимал, просто знал – нужно.

Дни шли, однообразно сменяя друг друга, но вот однажды режим, ставший привычным, был нарушен.

В спортзал вошли двое: Толичано и еще один совершенно незнакомый человек. На груди незнакомца находился переливающийся перламутром знак. На этот знак невозможно было не обратить внимание, и он понял, что приходит конец неизвестности, что сегодня должны что-то сообщить, возможно то, что он так долго стремился вспомнить.

– Сердио, – приятным тенором представился новый посетитель.

– Э-э... – он запнулся, не зная, как представиться, покосился на Толичано, словно спрашивая у него свое имя, и просто протянул руку.

Жест доброжелательности и приветствия получился непроизвольно, словно он в прежней, забытой жизни постоянно пользовался им. Посетитель с готовностью ответил и он, впервые за долгие недели, почувствовал тепло крепкого рукопожатия.

– Прошу вас пройти в вашу палату, – предложил Сердио после рукопожатия и сделал величественный жест рукой. – Я хотел бы с вами побеседовать.

Он молча кивнул в ответ и направился к выходу.

В палате, это сразу бросилось в глаза, произошли изменения. Ее несомненно говорили к предстоящей беседе и произвели некоторую перестановку.

Напротив показывающего прибора, который Толичано во время прошлого посещения назвал телевизором, стояло не одно привычное кресло, а три. Сам телевизор был переставлен в угол, а между ним и креслами появился небольшой столик с изогнутыми резными ножками.

«Наверное, что-то будут показывать», – предположил он и на правах хозяина первым устроился на одном из кресел.

Гости последовали примеру, и наступила непродолжительная пауза.

Сердио бесцеремонно рассматривал его, и от этого прямого открытого взгляда становилось не по себе.

– Может быть, вы объясните мне цель вашего визита? – нарушил он молчание. – Ведь вы именно за этим сюда пришли? Или вас интересует что-то другое? – но тут же поспешил напомнить: – Вот только вряд ли я вам что-либо сообщу, бестолковка никак и ничего не хочет вспоминать.

– Объясню, – улыбнулся Сердио и, набросив ногу на ногу, скрестил ладони в замок.

Толичано молчал. Странно, он сегодня молчит весь день, точнее, все время визита.

– Так я могу задать вопросы?

– Можете, но я хотел бы перед этим вам кое-что объяснить, точнее от кое чего предостеречь.

– Ну уж нет, – он торопился покончить с неизвестностью и не желал больше ждать. – Я хочу, чтобы вы сначала ответили мне на некоторые вопросы, а уж потом предостерегайте сколько угодно!

Сердио не стал спорить:

– Я слушаю вас.

– Первым делом ответьте мне, кто я и где в данный момент нахожусь?

– Я предполагал, что вы начнете именно с этого.

– Вы не ответили!

– Вас зовут Иванков Владимир. – Не стал терзать ожидание посетитель. – Но я думаю, что знание имени и фамилии, в данный момент, ничего вам не даст.

Действительно, Владимир попытался вспомнить что-нибудь связанное с этим именем....

«Нет, ничего».

Стена не пускала, и он поспешил задать следующий вопрос:

– Тогда скажите, где я?

– Ответ на этот вопрос потребует много времени.

– Ничего, мне спешить некуда! Я хочу знать, где я нахожусь? В какой стране? И с кем имею дело?

Слово «страна», выскочило непроизвольной новинкой, но он понял, что вопрос задан правильно.

Сердио почему-то глянул на Толичано, странно пожевал губами и, вернув на лицо доброжелательную улыбку, произнес:

– Вы находитесь на планете «Земля», но государств, или стран, как вы выразились, у нас нет. Их у нас никогда не было и наверное уже не будет, так уж сложилась история.

«Врет», – уверенно подумал Владимир. – «Хоть я точно и не помню, что это такое, но уверен, что они всегда были».

– Все дело в том, – продолжал Сердио, – что вы находитесь в другом векторном измерении. До того, как мы выдернули вас сюда, вы проживали в векторе «С», который мы характеризуем как самый нестабильный на планете.

Владимир напряг память, пытаясь понять смысл сказанного, и в голове тут же появилась пульсирующая боль. Усиливаясь, она ударила по вискам, в глазах все вспыхнуло ярким светом.

Владимир привстал с места, схватился за голову и попытался позвать на помощь.

– Что с вами? Вам плохо?! – послышался удаляющийся встревоженный голос Сердио.

– Да, – с невероятным усилием пролепетал он и... открыл потяжелевшие веки.

Вновь белый потолок и никого рядом.

«Странно, – подумал Владимир. – А где же Сердио и Толичано?»

Все походило на тот день, когда он впервые очнулся после беспамятства, но с той лишь разницей, что он мог спокойно шевелиться без пронизывающих тело болезненных ощущений.

Он повернул голову в сторону и увидел белый халат, надетый на знакомого молчаливого врача.

Врач, заметив движение в кровати больного, что-то сказал человеку, сидящему в дальнем углу, и тот поспешил к нему.

«Толичано», – узнал его Владимир и улыбнулся.

– Как вы нас напугали, – проговорил Толичано. – Вы так сразу упали...

– Что со мной было? – перебил его Владимир, поднимаясь и свешивая ноги с кровати. В глазах вновь все закружилось.

– Лежите, лежите! – испуганно запротестовал Толичано, сделав попытку уложить обратно. – Вам не рекомендуется вставать.

– Так что со мной было? – вновь повторил он вопрос, подчиняясь просьбе и принимая горизонтальное положение.

– Ваш мозг, после долгого застоя, не выдержал перегрузки непонятной информации и отключился, – ответил Толичано. – Вы не волнуйтесь, такое бывает с людьми вашего вектора, которых мы переносим сюда. Это не ваша вина, это вина временной скорости нашего вектора, к которой надо привыкнуть. К сожалению, в большинстве случаев, адаптация проходит очень болезненно, а вы к тому же были сильно травмированы.

«Опять какой-то вектор», – подумал Владимир и посмотрел по сторонам.

– А где же Сердио?

– Он придет, когда ваше здоровье позволит вам все воспринимать безболезненно.

– Так его, что же, нет здесь?

– Ну конечно же нет! Ведь вы пробыли без сознания почти сутки. Он не может терять столько времени.

– Понятно. – Владимир тяжело вздохнул и прикрыл усталые глаза, давая понять, что разговор на сегодня окончен.

На этот раз выздоровление проходило много быстрее. Буквально через четыре дня он почувствовал себя в норме и приступил к занятиям на тренажерах.

Тренажеры, заскучавшие было о заболевшем хозяине, вновь весело заскрипели пружинами и загудели настойчивой упругостью.

Владимир, он прочно усвоил свое имя, с каждым днем все больше и больше нагружал организм. После того, как Толичано все подробно объяснил, у него появилась цель – поскорее адаптироваться к местному временному течению. Он старался, старался изо всех сил, надеясь, что это поможет.

Вечерами, чтобы заставить мозг перестроиться и нормально работать, также по совету Толичано, читал книги. Сначала читал через «не хочу», по необходимости, но вскоре попалась интересная повесть, она взволновала сюжетом и заставила по-другому взглянуть на литературу. Вероятно, чтение раньше его не очень привлекало.

В часы отдыха, находясь перед телевизором, Владимир упрямо пытался пробиться через стену забвения. Стена не пускала, но перед настойчивыми попытками постепенно отступила, пропуская через себя пока лишь малые крупички забытого.

Вспомнилось Солнце. Этот ослепительно-жёлтый круг, который когда-то постоянно находился над головой, обжигал тело в жаркие дни, которые сам же и создавал.

Возможно, Солнце было той точкой отсчёта, после которой память начинала потихоньку возвращаться.

Неожиданно он понял, что в этой его однообразной жизни не хватает именно Солнца. Значит, Толичано не обманывает. Значит, он действительно в чужом мире.

Вскоре вспомнились звёзды. Чёрное небо, освещённое серебром луны, город и огромное количество лиц, незнакомых лиц, которые, как он предполагал, могли быть друзьями или родственниками.

Однажды, когда, приняв душ после тренировки, он сидел в тяжёлом раздумье, появился Сердио. Он появился так же, как Толичано, без приглашения или предупреждения, словно джин, проникший сквозь стену.

Владимир поднялся навстречу и крепко пожал протянутую руку. Узкая, с длинными, музыкальными пальцами ладонь Сердио, казавшаяся слабой, ответила крепким сжатием и Владимир, удивившись силе невысокого и на вид невзрачного человека, поднажал.

– О-о-о, – приподнял брови Сердио. – Ваши усилия не проходят впустую! Вы быстро набираете форму.

– Стараемся, – ответил Владимир, потирая подвергнувшуюся обратному жиму ладонь и приглашая гостя присесть.

– Итак, – без предисловий начал Сердио, чинно опустив тело в кресло, словно следовал положенному в таких случаях этикету. – В прошлый раз наша беседа прервалась при очень неприятных обстоятельствах.

Владимир смущённо заёрзал в кресле.

– Не волнуйтесь, – заметил его телодвижения Сердио. – Вашей вины в том нет. Это происходит практически со всяким человеком, который попадает в наш вектор.

– Я знаю, – торопливо перебил его Владимир. – Мне все объяснил Толичано.

– Если вы почувствуете себя во время беседы плохо, скажем, начнёт кружиться голова или, того хуже, – болеть, то не стесняйтесь, скажите.

– Я вас понял.

– Вот и хорошо, а теперь можете спрашивать.

– В прошлый раз вы рассказали мне про вектор, в который я якобы попал. Толичано тоже говорил мне о нём, но я мало что понял и прошу вас продолжить.

– Хорошо... – Сердио на несколько секунд замолчал, видимо, обдумывая начало беседы, и после паузы начал: – Попали вы к нам не якобы, а действительно. Вы человек вектора «С», наш же вектор мы отмечаем буквой «А», потому что он для нас является основным. Таких векторов огромное количество. Их так много, что мы даже не знаем сколько – не во всё удалось проникнуть. Вектор – это условное наименование, хотя скоростные качества времени каждого вектора индивидуальны и всё это в совокупности напоминает геометрическое понятие. – Сердио остановился в объяснениях на несколько секунд, давая возможность собеседнику переварить новую информацию.

Владимир молчал, пытаясь вникнуть в суть.

– Чтобы вам было более понятно, я приведу такой пример, – вновь заговорил Сердио. – Представьте себе две реки, которые протекают параллельно друг другу. Они текут в одном направлении и между ними есть некий раздел, скажем, дамба, которая не даёт им слиться в одно русло.

Владимир понимающе кивнул.

– Так вот представьте себе, что в этих реках всё одинаково, всё кроме одного – скорости течения воды. Поняли?

– Примерно понял, – кивнул Владимир. – То есть скорость течения вод рек и временная скорость течения векторов – одно и то же.

– Да. Так вот эта разница в течении временной скорости и влияет на мозг человека вашего вектора. Она невелика, но её действие сказывается очень сильно. Бывали случаи, что люди не выдерживали перегрузки и умирали.

– А вы определили разницу скорости?

– Да.

– А как?

– Это очень просто. Мы взяли хронометр вашего вектора и хронометр нашего и вычли одно из другого.

– А на хронометр нашего вектора скорость вашего не влияет?

– Нет, на механизмы она не оказывает никакого воздействия.
– Теперь я начинаю понимать, почему мне хочется спать всегда раньше, чем наступит вечер, – улыбнулся Владимир.

Сердио усмехнулся:

– Вы ещё не видели вечеров, потому что находитесь в полностью изолированном пространстве.

– Я это давно понял.

– Да? И как вы догадались?

– Это просто, нет Солнца, а ночью нет звёзд. Напрашивается вывод, что и в саду, и над бассейном находится искусственный свод, замаскированный под небо.

– Вам не откажешь в наблюдательности, – проговорил Сердио, проведя рукой по голове, слегка пригладив ершистые волосы. – Действительно над садом находится искусственный свод. Мы смогли симитировать плывущие облака, похожий на небо окрас, но сделать что-нибудь подобное Солнцу пока не удаётся. Да в общем-то это, наверное, и ненужно. Люди вашего вектора, прибывающие сюда, не очень-то обращают на них внимание, вы оказались первым, кто вспомнил про него.

– А для чего это сделано?

– Цель проста, мы постепенно переводим организм человека вашего вектора на течение времени в нашем, то есть добавляем ежедневно небольшой отрезок. Кому несколько минут, кому час и так далее.

– Ага, понятно. Не буду спрашивать, сколько добавляете мне – боюсь начать считать. Но у меня есть еще один вопрос.

– Задавайте.

– Я бы хотел узнать, почему со мной не разговаривают эти люди? – Владимир указал на людей в белых халатах, стоящих чуть в стороне.

Сердио улыбнулся:

– Они не запрограммированы на ваш язык.

– То есть?... – Не понял Владимир. – Они что, не люди?

– Почему же не люди, люди. Дело в том, что у нас не изучают языки, как у вас. У нас их закладывают в мозг с помощью специальной программы. Это происходит по желанию человека или же является обязательным при работе в той или иной сфере деятельности. Лично я не хотел бы иметь эти знания, но в связи с работой вынужден.

– Я понял, – проговорил Владимир и решил несколько сменить тему. – А вы можете рассказать мне про жизнь вашего вектора?

– Конечно. Итак, сутки нашего вектора составляют тридцать два часа одиннадцать минут вашего времени. Из-за такой медленной скорости несколько изменены некоторые параметры физических величин, даже цветовая гамма несколько другая.

– Не понял.

– Скажу проще, у нас нет красного цвета, который в избытке присутствует у вас, но у нас есть другой цвет, которого у вас нет и который вы называете ультрафиолетом.

– Я смогу когда-нибудь все это увидеть?

– Что именно?

– Как вы живете, ваши города, ну и прочее.

– Конечно! Мы приняли решение позволить вам попутешествовать, понаблюдать за нашей жизнью. Можете приступить в любой удобный для вас день, хоть завтра. А сегодня я вам расскажу о некоторых особенностях нашего общества. – Сердио сидел не шевелясь. Он только говорил, не делая при этом никаких движений.

Владимир несколько минут назад обратил внимание на эту особенность собеседника и подумал, что он столько не выдержал бы. Сердио же продолжал сидеть в одной позе и, кажется, не собирался её менять.

– У нас нет государств, – продолжал рассказ гость. – И никогда не было, потому что они оказались неудобными, непрактичными. Общество не захотело их иметь, и они у нас не появились. Спросите, откуда мы знаем, что такое государство? Отвечу. Из практики

вашего и некоторых других векторов, где государства являются главным фактором нестабильности общества. Потом, у нас нет денег и, следовательно, нет экономических кризисов, которые так же постоянно будоражат ваш вектор. Мы просто работаем и пользуемся плодами своего труда. Продолжительность жизни составляет около ста восьмидесяти лет и из них полезная продолжительность – сто сорок.

– У вас что же – коммунизм? – перебил собеседника Владимир, вспомнив новое слово.

– Ну что вы, какой коммунизм. У нас обычная жизнь, хотя, по вашим меркам её можно было бы назвать коммунизмом.

– Короче, у вас нет наций, государств и денег.

– Нет, нации у нас есть, но на них как-то не принято обращать внимания. Это просто определение родов, или, точнее сказать, генеалогического древа каждого человека.

– Хорошо, я понял примерно строение вашего общества. Мне кажется оно очень простое. А у вас есть какой-нибудь руководящий орган?

– А как же, конечно есть, и называется он архидропаг. – Сердио показал на знак, украшающий его грудь. – Вот таким знаком обладает каждый представитель архидропага, и только у главы этот знак выделен другим, как сказали бы у вас, золотым цветом.

– Можно посмотреть?

– Пожалуйста.

Сердио придвинулся, и Владимир осмотрел правительственный жетон.

– Интересная штука, – произнёс он, закончив осмотр. – Я бы не прочь иметь такой.

– Его надо заслужить, – улыбнулся словам собеседника Сердио. – Так просто его никому не дают.

– Значит вы представитель местного правительства. И много людей у вас в правительстве?

– Много, несколько тысяч, но меньше, чем в любой стране вашего вектора, где кроме министров придумана куча постов для заместителей, которые совершенно не нужны.

– А как вам удаётся проникать в другой вектор? – Владимир вновь сменил тему. – Ведь для этого, требуется специальное оборудование?

– Вы правы, для этого нужно специальное оборудование. Принцип его действия я вам рассказать не смогу, потому что не знаю, могу лишь сказать, что мы не проникаем в другой вектор, мы его встречаем по пути следования. Если мы совершим прыжок, то пролетим мимо полосы жизни и попадём в использованное русло.

– Ничего не понял, – честно признался Владимир.

– Не мудрено, – губы Сердио вновь посетила улыбка. – Так сразу никто не может этого понять. Для этого надо учиться, но все мелочи перехода знают немногие, в основном только те, для кого вектодесант является постоянной работой. А вы слышали когда-нибудь об аномальных явлениях?

– Об аномальных? – Владимир напряг память. – Нет, пожалуй, не слышал, точнее, не могу вспомнить.

– Если услышите или вспомните, то имейте в виду, что в некоторых из них виноваты мы. Иногда по неосторожности наши десантники во время работы могут появиться на глаза. Люди вашего вектора замечают, и появляются домыслы про барабашек и прочую ерунду. В основном в таких случаях мысли у них направлены не в лучшую сторону.

– Не знаю, не помню, – повторил Владимир и с сожалением посмотрел на собеседника. – Мне очень жаль. Если честно, то я почему-то не верю в то, что я из другого вектора. Мне кажется, что я всегда жил здесь и случайно, из-за травмы, потерял память.

Сердио улыбнулся:

– Не думайте об этом, не питайте надежды. Очень скоро вы убедитесь и поймёте. Кстати, человек вашего вектора может перенестись в другой вектор только дважды, туда и обратно.

– Почему? – Владимир очень удивился.

Ему только что казалось, что переброску можно делать бесконечно.

– Потому что у вас, точнее у людей вашего вектора, слишком слабая нервная система. Она не выдерживает третьего вектодесанта и разрушается. Временные перегрузки настолько сильны, что десантник вашего вектора даже теряет память, и в большинстве случаев она не возвращается. То есть то, что было, человек уже не может вспомнить до тех пор, пока не попадёт обратно в своё измерение. С нашей точки зрения это очень странно, так как вы почти ничем не отличаетесь от нас.

Сердио развёл руки в сожалеющем жесте.

Владимир понимающе смотрел на собеседника, хотя на самом деле в голове что-то не вязалось. Сообразив, что сегодня всё равно ничего не поймёт, задал новый вопрос:

– Скажите, чем заинтересовал вас наш вектор? Зачем вы вытащили меня оттуда?

– Всё дело в том, что ваш вектор является на Земле самым неуравновешенным, самым нестабильным и самым опасным. Правда, лишь в черте тех векторов, которые мы можем посещать. У вас постоянно бушуют войны, за последнее тысячелетие мы не насчитали и сотни дней, когда у вас на всей планете был полный мир. Из-за денег процветает коррупция, из-за существования государств развивается военное производство, и оружия сейчас столько, что вы можете уничтожить планету несколько раз. Нам приходится, по возможности, сдерживать ваш вектор, но не всегда это удаётся.

– Для чего?

– Для спокойствия. Ведь мы с вами находимся на одной планете, и если вы её уничтожите, то попутно погибает и мы.

– Понятно. А для чего вам потребовался я?

Сердио несколько секунд колебался, раздумывая, стоит ли посвящать Владимира в планы правительства. После паузы, решив, что стоит, сказал:

– Что ж объясняю и это. Всё дело в том, что через год с небольшим придёт именно то время, когда ваш вектор уничтожит и себя, и все миры нашей планеты. Ваша задача состоит в том, чтобы предотвратить уничтожение, проще сказать, – спасти мир.

– Чем же это я заслужил такую честь? – сыронизировал Владимир, думая, что собеседник шутит, но лицо Сердио оставалось серьёзным.

– Ничем, – не отреагировал на иронию Сердио. – Дело в том, что всё, что должно произойти, уже произошло и вы именно тот человек, который мог остановить разрушение планеты, но не успел и погиб.

– Что?! Я погиб?! – в голове Владимир появился звон.

Он даже привстал с места, пытаясь понять только что сказанное собеседником.

– Вам плохо? – тут же отреагировал на движение Сердио.

– Ничего не понимаю, – не ответил на вопрос Владимир. – Я же живой!

– Всё верно. Мы смогли спасти вас и с помощью антивектора переправили сюда, чтобы вернуть к жизни. Поверьте, это было нелегко сделать.

– То есть всё вокруг уже не существует?! Этого всего нет? – Владимир начал сомневаться правильно ли он понимает собеседника, и вообще, не сумасшедший ли сидит перед ним.

– Считайте что так, – не меняясь в лице, сказал Сердио. – Мы с помощью антивектора вернулись назад, чтобы попробовать изменить ход истории, и вы должны будете сыграть главную роль. Вам тогда для полного решения проблемы не хватило всего лишь шести секунд.

Сомнение отступило, Владимир понял, что Сердио говорит правду, только его правда казалась полной чушью, фантастикой, не поддающейся пониманию.

– И что же я не доделал?

– Вы не предотвратили пуск первой ракеты с ядерной боеголовкой, после которой и началась сама война, приведшая к уничтожению планеты.

– Да? Но как? Как я не предотвратил?

– Вы не успели поднять пистолет. Точнее сказать – не смогли. Он находился у вас в руке, но у вас не хватило сил поднять его. Ваша задача заключалась в том, чтобы вы уничтожили террориста, который впоследствии запустил ракету с ядерной боеголовкой.

- Во... А где это случилось, как я туда попал?
- Это случилось на одной из военных баз, которую с определённой целью захватила банда террористов. А вы крупнейший специалист по борьбе с международной преступностью и, по нашим данным, один из лучших. Вы один тогда смогли добраться до сердца базы.
- Ах вон в чём дело, – наконец дошло до Владимира. – Теперь я начинаю кое-что понимать. И какова же будет моя задача на этот раз?
- Суметь поднять пистолет. Убить террориста.
- И только то? А если я не смогу или не попаду в него?
- Значит, эта наша последняя попытка исправить положение дел станет бесполезной и мы зря старались, потому как второй раз перенести вас сюда мы не сможем.
- Владимир поднялся из кресла и в задумчивости прошёл по комнате. Теперь он всё понял, единственное, что было плохо, так это то, что он ничего не помнит из того последнего, что произошло на той треклятой базе.
- Но ведь если перебросите меня туда, то там должно получиться двое я?
- Нет, – тут же опроверг его предложение Сердио. – Такие варианты переброски у нас случались, опыт есть, вы будете помещены в своё первое «я» точно в определённое время, подзарядив при этом свой уставший организм свежими силами.
- Интересно получается. – Владимир остановился напротив Сердио, скрестив на груди руки. – Если вы такие сильные, если у вас такая мощная аппаратура, то почему бы вам самим не попробовать предотвратить катастрофу? Ведь так будет намного проще. Забросили туда своего человека, он делает всё что нужно и возвращается обратно.
- Вы так легко рассуждаете, словно переброска вектодесантника плевое дело, – проговорил в ответ Сердио. Нет, дорогой, это очень сложная работа. К тому же мы не хотим рисковать.
- Чем? Жизнью человека своего вектора?
- Нет. Жизнь одного человека по сравнению с существованием цивилизации ничего не значит. Просто наши организмы материализуются несколько секунд. За это время наших людей перебыют, пока они будут еще тенью. Мы не хотим срывать такой важной операции из-за этого. Одна надежда на вас.
- В таком случае последний вопрос, кем я был раньше?
- Командиром группы спецназа.

Владимир опустил в кресло и задумался.

Сердио молча, с невозмутимым видом, сидел напротив и дожидался, пока он обдумает только что услышанное.

- Что от меня требуется в данный момент? – наконец поднял глаза Владимир. – Моё согласие?
- Я думаю, что вы согласитесь в любом случае.
- Это еще почему?
- Объясню. Вас в любом случае должна ожидать гибель, но если вы идете на дело, то у вас появляется возможность остаться в живых, и у нас тоже. Если же вы отказываетесь, то погибаете вместе со всеми, только на несколько часов позже. Я думаю, что стоит пожертвовать жизнью во благо всех миров планеты.
- А как я могу остаться в живых?
- Ну..., я думаю, если вы уничтожите террориста, то, наверное, останетесь.
- Действительно, выхода не было. Владимир это сообразил сразу, но идти на смерть всё же не хотелось, куда спокойнее было бы смотреть на всё происходящее со стороны.
- Какова задача будет у меня сейчас? – спросил он, решив прекратить расспросы.
- Выздоровливать, набираться сил. Можете путешествовать. Если будут пожелания, их выполнят – по возможности.
- Это всё?

– Да. Только я хочу предупредить вас об одном факторе, который для вас будет очень неприятным. Вы должны заранее узнать о нем, чтобы не питать никаких иллюзий о будущем.

– Что такое? – Насторожился Владимир.

– Дело в том, что после переброски вас в ваш вектор, вы забудете все, что происходило в нашем векторе. Виной тому, как вы должны понимать, станут временные пороги и ваша несовершенная нервная система.

– Что, совсем ничего не буду помнить?

– Вероятнее всего так оно и будет. Может что-то и вспомнится, но не более как сон, а вот ваши прежние воспоминания, которые недоступны вам сейчас, появятся почти моментально.

– Почему?

– Потому, что вы попадете в свое скоростное измерение, и организм встанет на привычные рельсы. – Сердио глянул на часы и поднялся с места. – Мое время закончилось, я должен вернуться к своим непосредственным обязанностям. До свидания.

Не дожидаясь ответа, он повернулся и вышел.

Владимир проводил его задумчивым взглядом и остался один на один со своими противоречивыми мыслями. То, что только что сказал Сердио, глубоко запало в душу.

«Год, остался всего лишь год. Как странно устроена жизнь»...

Год спокойной жизни, который когда-то гарантировал Сердио, прошел незаметно.

Время неумолимо текло по проложенному вектором руслу, и Владимир, все с большим и большим волнением и нежеланием, ждал прихода дня, когда к нему придут и скажут: «Пора».

В глубине души он надеялся, что в его векторе что-то переменится, что история повернет в другую сторону, и террорист, которого он должен будет остановить, откажется от глупой мысли или же погибнет при каких-либо других обстоятельствах, и тогда... тогда не придется рисковать.

Он ждал, и этот день наступил.

В тот день он, по обыкновению, «висел» на тренажерах и старательно нарабатывал силу. Он не торопился и спокойными, расчетливыми движениями вытягивал тренажер на себя.

Вообще, в последнее время он почувствовал себя сильным, выносливым человеком, справиться с которым не всякому под силу.

Возможно, он уже когда-то был в таком состоянии, может быть даже в более лучшем, но сейчас ему казалось, что эта его сила, ловкость и выносливость наилучшая за прошедшую жизнь.

Трепет перед предстоящей операцией почти исчез и однажды, настраиваясь на победу и напрягая мышцы на тренажере, он прорычал:

– Я тебе покажу, козел, как нажимать запретные кнопки!

Почувствовав на себе чей-то взгляд, оглянулся на дверь. Там, не отрывая его от дела и внимательно наблюдая за ним, стояло несколько человек.

В душе Владимира что-то дрогнуло. Он оставил тренажер, взял в руки полотенце и, вытирая с лица и шеи проступившие капли, подошел к гостям.

Из всей группы только двое были ему знакомы – Толичано и Сердио, которые с почтительным видом стояли чуть позади.

– Здравствуйте, – поздоровался Владимир. – Чем могу быть полезен?

Он прекрасно знал, чем он будет «полезен», но постарался выглядеть естественно непонимающим.

– Прошу вас последовать за нами, – требовательным голосом проговорил ему стоящий впереди мужчина, к груди которого был пристегнут золотой жетон.

Его высокомерный вид, манера разговора и начальственный тон, сразу же не понравились Владимиру.

«Хоть бы поздоровался что ли», – подумал он, окинув человека неприязненным взглядом.

Человек, не проронив больше ни слова, круто, по-военному, развернулся и направился к выходу.

Группа последовала за ним.

Владимир, оказавшись рядом с Сердио и Толичано, непочтительно дернул последнего за рукав:

– Кто этот хам?

– Это Сердинар Вовт – глава архидропага.

– Тот самый? – В голове Владимира всплыл рассказ Толичано про правителя, где Сердинар Вовт описывался как честный, трудолюбивый и внимательный к чаяниям народа человек.

– Тот самый, – подтвердил Толичано. – Так что я очень прошу тебя быть спокойнее. Надо уважать правителя, будь почтительнее.

– Ха. А что он мне может сделать, если я буду непочтителен? – Насмешливо глянул на него Владимир. – Там для меня смерть, – он указал рукой куда-то вдаль, – потеря памяти. Я же смертник! Мне терять нечего и поэтому разговаривать с ним я буду так, как сочту нужным.

Сердио окинул его умными глазами.

– Хочешь досадить? Зачем это тебе? – Толичано, шедший с другой стороны, вежливо взял под руку.

– Не стоит, Володя! Ты, наверное, думаешь, что ему наплевать на то, что тебе предстоит? Нет, милый мой, я вчера разговаривал с ним и заметил, что он переживает за твою судьбу не меньше, чем мы с Сердио.

Владимир перевел взгляд с одного собеседника на другого и вспомнил день, когда они перешли на «ты».

В тот день он получил сразу двух друзей, честных, спокойных, думающих. Друзей, которые много в чем помогли.

Группа быстро добралась до места.

– Ну что ж, Владимир Иванов, – обратился к нему Сердинар Вовт, после того, как все расселись по креслам. – Пришло, время выполнить миссию, которая вам предназначена.

Глава архидропага смотрел строгими темно-кариими глазами, которые, как показалось Владимиру, словно рентгеном просвечивали голову и читали мысли.

– Когда прикажете приступить? – спросил он.

– Не спешите, – улыбнулся глава правительства. – Заброска будет произведена завтра, а сегодня я пришел к вам для того, чтобы побеседовать, узнать, не хочет ли чего человек, от которого зависит будущее, даже не будущее, а жизнь нашей планеты, – он особо выделил интонацией это слово – «планеты». Вы должны понимать, что если вы не сможете выполнить возложенную на вас задачу, то послезавтра ничего этого не будет. – Он жестом обвел вокруг себя, давая понять собеседнику, что он и только он может предотвратить надвигающуюся катастрофу.

– Значит, вы пришли полюбоваться на меня? Ну и как я вам? Нравлюсь или не очень? – Владимир вызывающе смотрел в глаза главы архидропага.

Сердинар Вовт поймал издевку в голосе собеседника и спокойно, выдерживая уважительный тон, ответил:

– Когда человек ведет себя так, как вы в данный момент, то он мне никогда не симпатичен. Но я давно знаю вас, давно наблюдаю за вами, знаю ваш характер, знаю, что вы не такой, что вы трудолюбивый, сильный духом, честный. Я понимаю ваше состояние,

но все же прошу оставить этот тон и поговорить спокойно, без иронии. Я ведь прекрасно понимаю, что у вас твориться на душе, и поверьте, я бы очень не хотел, чтобы вы отправлялись туда. Но что делать, – Сердинар Вовт развел руками, – если вы по каким-либо причинам не попадете в свой вектор, то погибнут все миры пашей планеты. Да, кстати, я хотел бы вас известить, что наши ученые просчитали еще раз все варианты и пришли к выводу, что у вас имеется шанс на опасение. Мы взяли во внимание все, возможные и даже невероятные, граничащие с фантастикой, варианты заброски и выявили его.

– Интересно, и какой же процент? – Владимир перешел на нормальный тон.

– К сожалению, нет даже одного. Примерно семь десятых процента. Вы можете остаться в живых, если правильно распределите силы, а мы, если сможем, поможем.

– Что ж, спасибо за информацию, – проговорил Владимир, но я думаю ваша помощь там мне не пригодится, ведь после заброски я все забуду, к тому же вашим людям придется материализовываться, а это займет какое-то время.

– Да, память в той ситуации вам бы не помещала, но что делать. – Правитель вновь развел руки в сожалеющем жесте и сменил тему: – Как ваше настроение?

– Ну да, вы нашли, о чем опросить, – съязвил Владимир. – Это равносильно тому, чтобы спрашивать у больного здоровья.

– Я понял вас, извините.

А вот этого он не ожидал. Глава архидропага попросил прощения, и за что, за какой-то пустяк! В груди шевельнулось что-то вроде уважения, моментально сменив первоначальное мнение.

– А вы молодец, – продолжал между тем Сердинар Вовт. – За такое короткое время смогли восстановиться почти на сто процентов. Не каждому такое удается.

– Стараюсь, – усмехнулся довольный похвалой Владимир.

– А как вам наши города? – задал новый вопрос глава архидропага. – Понравились? Я ведь в курсе, что вы много путешествовали.

– Да. Очень. – Владимир вспомнил экскурсии по городам. – У вас все так красиво, чисто, спокойно... Я хотел бы остаться у вас жить.

– Сожалею, но это невозможно.

– Я знаю... Извините, но мне кажется, что вы пришли сегодня ко мне по делу, – перевел разговор Владимир в другое русло, уверенный, что от него еще что-то хотят и что весь предыдущий разговор только предисловие. – Так давайте поговорим о деле.

Сердинар Вовт широко улыбнулся:

– Послушайте, а вы мне симпатичны. Не многие люди вашего вектора умеют говорить прямо, но сейчас вы ошиблись. Я прибыл к вам только для того, чтобы поближе познакомиться. Никаких дел у меня к вам нет, кроме одного, о котором вы полностью информированы.

На следующий день Владимир был переправлен в свой вектор.

Это произошло просто, можно сказать буднично, словно переброска не представляет никакой сложности.

При заброске присутствовало несколько человек.

Владимир, в обнаженном виде, как того требовали правила вектодесанта в свое "я", взошел на белый, диаметром до двух метров, диск, зеркально отражающий блики окружающей цветности. Встал в центр. Диск тут же приподнялся над поверхностью. Сверху над головой повис еще один, точно такой же, и по всей площади, из верхнего в нижний, ударили тончайшие, подобные шелковым нитям, лучики света.

Они создали световую границу, отделив вектодесантника от окружающего мира.

Внутри отделенного пространства начал медленно сгущаться неизвестно откуда поступающий, странный, сиреневый, с легким дурманящим запахом, туман.

Владимир повернул голову в сторону провожающих и сквозь сгущающийся туман увидел как Толичано и Сердио, его друзья этого мира, подняли руки и прощально помахали. На глазах их всегда спокойных лиц блеснули слезы, слезы прощания навсегда.

Он помахал в ответ рукой и, чтобы не расстраиваться, отвернулся. К горлу подкатился комок.

Туман начал менять цвет, а затем резко нахлынула темнота.

Владимир настороженно прислушался.

Откуда-то издалека едва слышно звучал удаляющийся голос оператора, руководящего переброской и отсчитывающего последние секунды пребывания гостя в этом векторе.

Неожиданно что-то крепко обхватило тело и заставило принять определенную позу.

Он не стал сопротивляться силе и сел именно так, как требовало от него это сжатие.

Что-то ярко сверкнуло в глазах.

Владимир Иванков, держась рукой за раненое плечо, сидел возле двери в главный пультовый зал на корточках и вслушивался в матершинную брань людей, о чем-то споривших громкими голосами. Он различал три голоса и был уверен, что там трое.

Заскакивать туда сейчас он не решался, потому что хорошо натренированные люди обязательно среагируют и, скорее всего, исход схватки будет не в его пользу.

По опыту старого бойца он понимал, что справиться сразу с тремя довольно трудно, что только в дешевом боевике можно не напрягаясь, с помощью ножа и пистолета разрушить город и перебить в рукопашной пару полков противника. В жизни же все куда более сложно. В жизни надо уметь ждать.

Три голоса продолжают орать. Это хорошо, может быть, кто-то психанет и уйдет. По крайней мере, до сих пор интуиция не подводила. Будем ждать.

Страшно болит раненое плечо.

– Сволочь, – процедил он сквозь зубы, вспомнив террориста, охраняющего вход и оказавшегося крепким парнем, сумевшим в драке зацепить ножом.

Не считая мелочи с плечом, операция шла нормально, его еще не засекли.

Но банду очень беспокоило неожиданное отключение электроэнергии.

Опытные террористы сразу же перешли на аварийное питание, но за выигранные минуты он успел вывести из строя систему видеоконтроля. Сейчас ни одна видеокамера внутри помещений не работала.

За дверью продолжали ругаться, и, наконец, один из споривших, видимо не желая участвовать в чем-то безнадежном, злобно крикнул:

– Хрен с тобой!!! Делай, как знаешь, но на меня не рассчитывай, понял?!!!

В сторону двери застучали каблуки крепких военных ботинок.

– Стоять!!! – заорали каблукам из глубины зала.

Шаги остановились возле двери, и человек вновь начал что-то доказывать напарнику.

Владимир вжался в стену.

В этот момент – он так и не понял, что с ним произошло – его вдруг внутренне встряхнуло.

Тело, потрепанное в двух последних рукопашных, неожиданно стало легким, свежим, а саднящая рана плеча, выжигающая кучу нервов, затянулась прямо на глазах.

В голове появилось чувство чужеродности происходящего, которое не вязалось с чем-то другим, хорошим, но неизвестным.

«Странно, – подумал он, – такое ощущение, что я здесь не был».

Чушь, он прекрасно помнил, всю операцию, как удачно проделал все, чтобы добраться до командного пункта военной базы, имеющей в своем распоряжении ядерные боеголовки.

«Никогда в богов или ангелов не верил, – к чему-то подумал он».

Вновь застучали каблуки, и бронированная дверь медленно поползла в сторону, увеличивая проем.

Из двери вышел высокий, сильный, спортивного вида человек. Он злобно сплюнул, громко выругался и поспешил прочь по тускло освещенному коридору.

Владимир, взяв его на прицел, напряженно ждал.

Человек, ни разу не оглянувшись, скрылся за поворотом, и он осторожно заглянул в зал.

В зале увидел двоих, один из которых что-то злобно кричал в микрофон. Динамики переговорного заискивающе отвечали, прося, нет – умоляя, дать еще немного времени на выполнение поставленных условий.

Террорист не уступал, требуя выполнить все незамедлительно. Он был занят разговором, и Владимир понял – пора.

Его появления не ожидали. Первая пуля досталась сидящему в кресле у стены и опешившему от неожиданности.

Террорист, получив пулю в голову, вскинул вверх руки и медленно, как бы нехотя, вывалился из кресла.

Второй, тот, что ругался по громкой, проявил исключительную реакцию – отскочил в сторону и метнулся за массивную стойку пульта, став недостижимым для ворвавшегося в его «владения» спецназовца.

И тут. Вот черт. – Инстинктивно обернувшись назад, возле стены, которая не просматривалась из коридора, он увидел третьего, который судорожным движением пытался передернуть затвор автомата.

Владимир направил пистолет в его сторону и трижды нажал спуск. Пистолет послушно дернулся, и бандит, так и не успев привести оружие в боевое положение, схватился за живот и переломился пополам.

Это был тот случай в жизни, когда он не успевал.

Спрятавшийся за пультом успел опомниться и несколько раз выстрелил.

Удар в грудь!

Страшный удар!

Удар, силу которого можно было бы наверное сравнить с ударом чем-то тяжелым. Владимиру приходилось испытывать подобное раньше, но тогда рядом были друзья, которые помогли, вынесли, но сейчас... Сейчас он был один.

Что-то затрещало в груди, сбило дыхание, и он, не удержавшись на ногах, полетел в сторону. Туда, где были свалены в кучу тела убитых людей.

Террорист, поняв, что нападавший повержен, выбрался из-за укрытия, но, все еще опасаясь подойти ближе, прицелился издалека.

Боль обожгла бок, который не был прикрыт бронежилетом, огромной молнией пронеслась по телу, долетев до мозга, и Владимир понял, что это конец.

Бронежилет отразил еще одну смерть, и пистолет врага щелкнул пустым затвором.

Только после этого террорист подошел к неподвижному спецназовцу и, поняв, что тот больше не опасен, пнул ногой.

– Слабак, – самодовольно усмехнулся он и осмотрелся по сторонам.

Затем, что-то решив, он подбежал к двери, заблокировал ломом и закрыл замки.

Теперь бандит был в полной изоляции от внешнего мира, но его это уже не волновало, он решился на последнее.

Злобно рыча, он несколько минут стучал клавиатурой пульта. Затем главный монитор высветил пятиминутный отсчет времени.

Мозг горел огнем жаркого солнца. Вспышки болевого пламени, словно протуберанцы, перекликались с темнотой, и тут перед помутневшим сознанием появился образ, знакомый... или незнакомый... не понять.

Владимир удивился, ведь он знает его?!.. Видел!.. Где-то видел! Но где!?..

– Вам не хватило шести секунд, – четко произнес образ и медленно растворился.

Сознание возвращалось в настоящее.

"Где я мог его видеть? Что это за шесть секунд? Откуда такое исчисление? Кто это был! Может это был бог или залечивший рану ангел?"

Вопросы обжигали безответностью.
Огромным усилием Владимир перевернулся на живот и посмотрел в сторону пульта.
Бандит внимательно рассматривал какие-то бумаги.
«Пистолет! – застучало в висках. – Где пистолет?»
В руке он почувствовал что-то тяжелое.
Вот он! Удивительно, как это я его не выронил, когда падал?
Пистолет тяжел, неимоверно тяжел.
"Какой дурак делает их такими неподъемными? – подумал он, напрягая последние силы.
Фигура попала в планку прицела и тут же выскочила обратно.
«Тверже руку», – отдал он себе мысленный приказ, вспомнив, как то же самое постоянно твердил инструктор во время тренировочных стрельб.
Цель вновь ушла от прицела.
«Черт... Нет, это рука никак не установится на нужном месте... Вот черт, ну-ка давай!»
Террорист оглянулся, и его лицо исказилось страхом. Оно на мгновение пересеклось с прицелом, и Владимир нажал курок.
Бандит, получив пулю в лицо, неестественно выгнулся и медленно, роня стоявшие рядом стулья, повалился на пол.
Спецназовец перевел мутнеющий взгляд на пульт и увидел, как один из мониторов отсчитывает время, стремящееся к нулю.
– У, гад, – выдохнул он и направил пистолет в сторону пульта.
Он знал, что в обойме еще есть патроны, но сколько, хватит ли чтобы попасть?
Цифры с неимоверной скоростью сменялись одна другой.
Выстрел, второй, третий, четвертый....
Пистолет щелкнул пустым затвором и Владимир понял, что не попал.
Но что это?
По пульта пронеслась молния, затем что-то звучно грохнуло, повалил ядовитый дым и на мониторе, отсчитывающем секунды, время замерло на цифре шесть.
– Ха! – изрёк спецназовец и потерял сознание.
Через мгновение монитор с цифрой шесть взорвался, как и другие, пополнив зал клубами ядовитого дыма.

Сердинар Вовт, заложив руки за спину, нервно ходил по кабинету из угла в угол. Он дожидался прихода Толичано и Сердио, чтобы услышать доклад о проходящей операции, впервые проводимой с участием человека из другого вектора. Он волновался, и то и дело поглядывал на настенные часы. До конца света, по старому варианту будущего, оставалось всего лишь несколько часов.

По старому варианту война уже бушует в векторе "С" и ее воздействие вот-вот должно будет сказаться на жизни остальных миров.

В дверь вежливо постучали.

– Войдите! – откликнулся на стук глава архидропага.

На пороге появились приглашенные.

– Ну как? Как идет операция? – тревожно смотрел он на их спокойные лица.

Толичано и Сердио весело переглянулись:

– Операция прошла удачно.

– Расскажите, расскажите мне, что там было?! – засуетился глава Архидропага и жестом пригласил их присесть.

– Иванков оправдал наши надежды и смог остановить начало ядерной войны. Поначалу мы думали, что он вновь не сможет, так как ошиблись при переброске на восемь минут.

– Ошиблись? Как вы могли?!

– К сожалению, очень трудно рассчитать время вектодесанта в свое «я», и этот случай не был исключением. – Сердио, словно ища поддержки, глянул на молчаливого Толичано и продолжил: – Мы проводили расчеты на тот момент, когда он, уже раненый лежал в пультовом зале, но первая рана сбила расчет вектокомпьютеров, и он попал на некоторое время раньше, то есть не в зал, а в коридор.

– Так, так, – проговорил Сердинар Вовт, внимательно слушая доклад. – И что же произошло дальше?

– Да в общем-то ничего страшного. Он оказался молодцом и смог выпутаться из труднейшего положения, в которое мы его поставили.

– Он погиб?

– Нет. Точнее пока не знаем. Вектор «С» сейчас вне нашей досягаемости. Но когда мы переносились в шестисекундный разрыв, он еще подавал признаки жизни. К сожалению, мы ничем не могли ему помочь. Второй переброски он уже не перенес бы. Было принято решение разблокировать дверь, потушить начинающийся пожар и оповестить командование, что база очищена от террористов, а он еще жив. Спасение героя пришлось предоставить жителям его вектора.

– Так он жив или нет? – повторил свой вопрос Сердинар Вовт.

– Не знаем, но при следующем вектодесанте обязательно выясним. Я обещаю. Одно мы знаем точно – он выиграл бой.

Сердинар Вовт поднялся с места.

– Завидую я вам, ребята. У вас появился настоящий друг. Я бы тоже хотел иметь такого, пусть даже в другом векторе.

Сознание возвращалось медленно, заполняясь волнами нарастающей боли, появившейся в глубине тела вслед за уходящей темнотой беспамятства. Казалось, что оно не хочет возвращаться в израненное тело, чтобы как следует отдохнуть ото всего, что заполняло его все предыдущие годы.

– Где я? – появилась первая мысль, и он вспомнил, что с ним произошло.

Владимир попытался шевельнуться, но острая боль проколола все с верху донизу, и он замер в ожидании ее ослабления.

– Смотрите! Он пришел в себя! – закричал чей-то знакомый голос.

– Володя! Как ты себя чувствуешь? – озабоченно спросил другой человек, тут же подбежавший к кровати.

«Не понял, – подумал Владимир. – Кажется, со мной это уже было».

Перед глазами возникло расплывчатое лицо.

«Все как сон», – засомневался он.

«Толичано», – вспомнил он имя и напряг зрение.

Нет, это был не Толичано. На него смотрело встревоженное лицо полковника Старостина.

Начиналось выздоровление.

Вонг

Уже много лет я связан деловыми отношениями с одной известной международной корпорацией. О названии фирмы промолчу, дабы не объясняться потом с юристами в судах по поводу незаконного использования частных сведений, коммерческих секретов... и т.д. и т.п. – такие игры весьма по душе здешним судейским.

Головной офис этой огромной корпорации расположен в Лондоне. Я часто приезжаю сюда, чтобы делать бизнес – дело, я так понимаю смысл этого английского слова.

Лондон – весьма многонациональный город. В нем сосуществуют на равных не только англичане да шотландцы, но и представители всех многочисленных бывших английских колоний: пакистанцы, индийцы, арабы. Также как и китайцы, венгры, русские. Кого тут только не встретишь!

Вонг – один из многих программистов этой известной корпорации. В головном Лондонском офисе он один из лучших, и, как следствие, ему прилично платят.

Раскосые глаза и желтый цвет лица однозначно определяют в нем азиата.

– Вонг, дружище, ты кто по национальности? Наверное, китаец? – спрашиваю его как-то.

– Почему ты так решил? – улыбается.

– Похож, – говорю. – Разве нет? А кто тогда, раз не китаец?

– Голландец, – отвечает Вонг. – Я родился в Амстердаме.

– Нет, – пытаюсь шутить я, – ты русский! У нас так все те, кого не определить однозначно – «русские».

– Русских видно за версту. Они – лохи, обожают водку и халяву, – улыбаясь, демонстрирует поразительные "знания" о нас Вонг. Он всегда улыбается. Никогда не поймешь – серьезен или шутит?

Понадобился этот раскосый программист мне как-то вечером после работы. Звоню ему домой.

– Можно господина Вонга позвать к телефону?

– Его нет дома, – отвечает мне телефонная трубка. – Он на второй работе.

– На второй работе?! – искренне недоумеваю. – Понимаете, он мне очень нужен. Тут в его программном модуле...

Кажется, мои аргументы на том конце провода никого не интересуют. Слышу вежливое покашливание.

– Записывайте адрес...

По указанному адресу расположился уютный вьетнамский ресторанчик. Захожу. Спрашиваю с опаской Вонга. Что делать программисту в ресторане? Какой тут может быть у него бизнес?

– Присядьте. Он сейчас подойдет, – бросает официант, тут же исчезая за бамбуковой перегородкой. Впрочем, через минуту он уже ставит передо мной чайничек и чашечку. Или это не он? Вьетнамцы все похожи друг на друга, как братья-близнецы.

Наконец появляется и сам Вонг, в белоснежном фартуке и такой же ослепительно белой косынке.

– Дружище, я ужасно рад тебя видеть! Но что ты здесь делаешь? – встаю ему навстречу, пожимая руки.

– Работаю, – невозмутимо отвечает Вонг. – Поваром.

– Поваром?! – Что-то не вяжется у меня в голове.

– С семи вечера до двух часов ночи, – почему-то радуется моему изумлению Вонг.

– Каждый день? И когда ж ты спишь? А сколько тебе платят? Неужели больше, чем на фирме?

– Больше, – смущается. Тут не принято интересоваться чужими деньгами.

– А хозяин ресторана знает, что ты еще и отличный программист? – не унимаюсь я.

– Знает. И что отличный повар – знает тоже, – смеется Вонг.

– И кто у вас хозяин? Вьетнамец?

– Нет, голландец, – отвечает Вонг. – Я и есть хозяин.

– ?!

...Официант бесшумно и споро сервирует столик, за которым мы с Вонгом сидим. Кажется, я забыл закрыть рот и глупо тарашусь на окружающих. Приносят нечто в огромной тарелке, к чему тут же прирастают взгляд и нос – целое произведение кулинарного искусства, ввергающее в полубморочное состояние сотней причудливых запахов. Вонг разливает в бокалы кровавое вино.

– Попробуй моё фирменное блюдо, пожалуйста. Вонг угощает. Халява.

Широченная улыбка сужает до щелочек плутоватые глазки Вонга, что никак не дает на него обидеться...

– Вонг, дружище! Зачем тебе это программирование? Ты же на кухне Бог! – я изумленно разглядываю уже пустую свою огромную тарелку. Неужели я ВСЕ съел?!

– Программирование – это для души, – тихо улыбается Вонг, лаская бокал с вином в кресле напротив.

– Тогда брось ты этот ресторан и займись любимым делом. Ты и в программировании Бог!

– Ресторан – это тоже для души, – вздыхает Вонг, виновато улыбаясь.

– Деньги? – догадываюсь я. – Зачем тебе столько денег?!

– У меня много родственников, – Вонг кивает в сторону официантов. – Родные – это и есть моя душа.

Выбор

Выбор. Всегда и во всём. Хорошо, если есть из чего выбирать. А если из двух зол? Есть такая шутка – выбирай из двух зол то, которое легче совершить. Человек постоянно в сомнениях – выбрать жену любимую или богатую. Богатую, но дуру или красивую, но гулящую. Хотелось бы, конечно, красивую, с деньгами, с квартирой, глухонемую, и чтоб ещё и чувство, но это скучно. Нет выбора – нет азарта – нет интереса.

Выбор – это азарт. Ставить на красное или на чёрное? Тянуть ещё карту или нет? Блефовать или скинуть? Опять выбор. Хотелось бы, конечно, пойти не в казино, а в театр, но – нет. Мы же выбираем из зол. Если не в казино, то в бордель, или на крайний случай – в кабак. Театр – не альтернатива.

Жизнь у нас – театр. Кино. Матрица. Выбор – красную таблетку или синюю. Быть амфибией в тазике, но жить красивой иллюзией, либо вырваться из тазика и жить в дерьме, но в реале. Хотя, это вообще не выбор. Хотелось быть, естественно, самому богом, но сомневающийся бог – это не лучший выбор.

Выбрали уже одного Бога. Из двух. Кто лучше – старый маразматик с манией величия, которому нужно от людей одно – чтобы они его не забывали и молились, или сомнительный собиратель душ, страдающий комплексом неполноценности? Ну, почему не выбрать любвеобильную Венеру? Нет, нам нужно выбирать только из дерьма. Из двух дерьмов. Или дерьмей? Даже здесь сложно выбрать, как правильно говорить.

Но самый яркий пример – это выборы. Выборы президента. Выборы депутатов. Пропустим цитату из песни Шнура, но он однозначно прав, что все кандидаты – зло. На политических выборах мы можем полностью насладиться выбором из зол. Здесь полное разнообразие зла – зла, которое борется само с собой, и в борьбе зла со злом всегда побеждает зло, но мы должны выбрать, какое именно зло победит. Апофеоз темы. Все обсуждают, какое зло лучше будет для нас. Одни хвалят одно зло, другие брызжут слюной за другое, третьи не видят разницы и голосуют за зло в целом. И никто не подумает голосовать против зла. Потому что не наше это. Добро мы не выбираем, мы иногда получаем случайно, но если приходится делать выбор, то мы уже извращаемся изо всех сил, пытаясь найти самые злые варианты.

Вопрос «не пить?» – не стоит. Стоит вопрос, что пить. Водку, вино, пиво, денатурат.

Найти общий язык с соседкой? Зачем? Можно насыпать ей мусор под порог или порезать обивку на двери. Или не порезать, а намазать дерьмом. Выбирай, вариантов много.

Наорать на ребёнка или выпороть?

Изменить жене с Зинкой или с Зойкой?

Отказать просителю или взять взятку?

И так далее, так далее.

Как всё-таки здорово, что мы вольные люди и у нас есть свобода. Свобода выбора.